

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Никулин А.М., Троцук И.В., Копотева И.В.,
Ризатдинов Р.Ф.**

**Сельские сообщества и регионы России:
пространственно-продовольственный мониторинг**

Москва 2017

Никулин А.М. директор научно-исследовательского Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Троцук И.В. ведущий научный сотрудник научно-исследовательского Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Копотева И.В. старший научный сотрудник научно-исследовательского Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ризатдинов Р.Ф. научный сотрудник научно-исследовательского Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год

ВВЕДЕНИЕ

В последнюю четверть века в Российской Федерации происходят разнонаправленные процессы дифференциации в использовании сельских пространств и производства на них продовольствия. Социально-пространственные характеристики этих процессов довольно отрывочны и приблизительны. Данное исследование стремится предоставить системную междисциплинарную картину трансформаций сельских регионов и сообществ, связанных, прежде всего, с особенностями (проблемами и перспективами) производства и распределения на них продовольствия, а также выработкой рекомендаций в области государственных и региональных программ сельского пространственного развития. Для решения этих задач осуществлена разработка характеристик, показателей и индикаторов пространственно-продовольственного мониторинга сельских поселений и регионов Российской Федерации, предпринята попытка через анализ категории «гражданское общество» в сельской местности России и зарубежных стран приступить к компаративистскому сравнению пространственно-продовольственных аспектов сельских поселений и регионов Российской Федерации и ряда стран ближнего и дальнего зарубежья, предлагается программа и результаты пространственно-продовольственного мониторинга, использующего инструментарий и результаты количественных и качественных исследований осуществленных в 2015-2016 годах Центром аграрных исследований РАНХиГС.

1. Разработка показателей и индикаторов пространственно-продовольственного мониторинга

Существует множество определений продовольственной безопасности [1], однако большинство из них в той или иной мере отражает суть базовой трактовки данного термина, принятой за основу на Всемирном продовольственном саммите по вопросам безопасности в 1996 году: продовольственная безопасность – это состояние гарантированности всем людям физического (в месте жительства) и экономического (ценовая доступность) доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи для полноценного удовлетворения своих потребностей и ведения активного и здорового образа жизни [2. С. 6], оценивать степень достижения которого призван Комитет по продовольственной безопасности ООН [3].

Данное предельно общее определение продовольственной безопасности может уточняться применительно к конкретному страновому, историческому и временному контексту [4], согласно определенным политическим и социально-экономическим целям, которые могут иметь весьма глобальный характер, например, гарантий права человека на то, чтобы не голодать [5], преследуя задачу обеспечения устойчивого сельского развития [6] или минимизации рисков в функционировании агропромышленного сектора [7]. Тем не менее, в целом зарубежные трактовки продовольственной безопасности преимущественно акцентируют внимание на борьбе с голодом, недоеданием и низким качеством и недоступностью продовольствия, а не на продовольственной независимости как способности каждой страны самообеспечивать себя продовольствием собственного производства, что стало отличительной чертой российских интерпретаций продовольственной безопасности, несмотря на их заимствованный в целом характер.

Чтобы структурировать поле разноречивых определений продовольственной безопасности, ряд исследователей предлагает разбить их

на две группы, достаточно условно обозначив их как либеральные и протекционистские. В первом случае основной гарантией продовольственной безопасности считается участие страны в международном разделении труда, активное вовлечение в международную торговлю, кооперацию и интеграцию в сфере производства и распределения продуктов питания, т.е. добровольное согласие страны на расширение производства именно тех продуктов питания, которые она способна производить с максимальной экономической эффективностью. Во втором случае решение проблем продовольственной безопасности видится исключительно в самообеспечении и достижении продовольственной независимости от других стран, хотя акценты здесь могут различаться: либо подчеркивается необходимость протекционистских мер – жесткий контроль объемов импорта, квотирование, продуктовое эмбарго, системы сертификации, субсидии для местных производителей и пр., либо осуществляется своеобразный переход к промежуточной между либеральной и протекционистской трактовками интерпретации продовольственной безопасности как продовольственного суверенитета – полного самообеспечения отечественными продуктами питания всех типов и высокого качества.

Идея продовольственного суверенитета может пониматься и весьма нейтрально, вполне в духе российских нормативных документов, оговаривающих критерии развития агропромышленного сектора страны с точки зрения обеспечения внутренних продовольственных потребностей населения; и крайне критически, в духе идеологического посыла нынешних зарубежных крестьянских движений, призывающих к радикальной демократизации общественного и частного секторов сельскохозяйственного производства. Мелкие крестьянские движения по всему миру, недовольные и активно выражающие протест против экономической (и аграрной) политики Всемирного банка, смогли консолидироваться в форме федеративного союза «La Via Campesina» (Ла Виа Кампесина, Крестьянский путь) под лозунгом

достижения продовольственного суверенитета – как реализации права людей, стран или союзов государств самим определять свою продовольственную и сельскохозяйственную политику посредством автономии местного производства и контроля гражданского общества за деятельностью крупнейших агросырьевых и агропродовольственных компаний и чиновников всех уровней управления. По крайней мере, пока радикальная трактовка продовольственного суверенитета (как локальных форм сопротивления расширению глобальной капиталистической продовольственной системы, способных объединяться в транснациональные формы борьбы [8]) неактуальна для российского общества, поскольку в нашей стране не существует организованных субъектов, способных открыто и четко сформулировать соответствующие дискурсы и скоординировать свои действия для их претворения в жизнь – население предпочитает придерживаться сработавших в 1990-е годы практик лично-семейного выживания посредством неформальных социальных сетей [9; 10] взаимных обменов и поддержки [в духе концепции Дж. Скотта – 11], а также личных подсобных хозяйств как дополнительного источника продуктов питания и ресурса выживания [12].

Следует признать, что сегодня разговор о проблемах пространственно-продовольственного мониторинга неизменно оказывается смещен из сугубо экономической плоскости в сферу политических и даже геополитических дискуссий, поскольку неизменно ведется в русле риторики национальной безопасности. Одни авторы оценивают подобный дискурсивный крен скорее как негативный, другие – скорее как позитивный, мы же придерживаемся точки зрения, что подобный дискурсивный фрейм следует принять как факт объективной российской действительности и признать, что тематика национальной безопасности сегодня способна порождать и весьма продуктивные контексты постсоветского государственно-идеологического разговора о продовольственном обеспечении страны. Более того, необходимо

признать и столь всепроникающий характер идеи безопасности, что считать ее атрибутом лишь отечественных общественных дискуссий вряд ли оправданно – аналогичные споры крайне важны и для современного европейского общества [13], хотя в последнем не получили столь же развернутого нормативного оформления, как в нынешней России, где продовольственная безопасность рассматривается как один из главных способов достижения национальной безопасности в среднесрочной перспективе [14; 15; 16; 17], причем в совершенно конкретном формате решения определенных социально-экономических задач [18].

Как отмечают многие исследователи [19], российская нормативная база (законодательство) в сфере обеспечения продовольственной безопасности (воспроизводство базовых идей международных документов об обеспечении населения безопасным и питательным продовольствием в необходимых количествах) нередко отличается от реального ее понимания представителями политической элиты страны (акцент на необходимости преодоления в условиях санкций любых форм зависимости от импорта продуктов питания за счет наращивания объемов собственного производства, в долгосрочной перспективе – даже с прицелом на экспорт продовольствия). Это нередко порождает попытки оценивать продовольственную безопасность страны именно в последнем ракурсе – через ее обеспеченность продукцией собственной производства (речь идет фактически о продовольственной независимости, а не о критериях оценки состояния продовольственной безопасности согласно международным ее трактовкам).

Последняя, политизированная трактовка продовольственной безопасности как элемента национальной безопасности отличает далеко не только представителей государственного аппарата и системы социального управления – ее разделяют и члены научного сообщества, легко оперирующие словосочетанием «национальная продовольственная безопасность» и открыто отрицающие, что это экономическая категория

(настаивающие, что это категория скорее государственническая, а потому ее достижение может идти вразрез критериям экономической целесообразности) [20].

Видимо, истоки политизации социально-экономического дискурса о продовольственном обеспечении населения в России следует искать в дискуссиях начала 1990-х годов, которые инициировали представители коммунистической партии, акцентируя внимание на негативных процессах в сельском хозяйстве, и которые собственно и стимулировали соответствующую законотворческую деятельность. Именно в ходе этих дискуссий стали очевидны две доминантные трактовки продовольственной безопасности в российском обществе: первая приравнивала таковую к продовольственной независимости страны (и от импорта зарубежных продуктов питания в частности) и соответствовала запросам отечественного производителя, надеявшегося на поддержку властей в конкурентной борьбе с западным производителем. Согласно второй трактовке, продовольственная безопасность касается скорее интересов потребителей, обеспеченности их доступным продовольствием, невзирая на то, кто именно население им обеспечивает (отечественный или зарубежный производитель).

Политизированные дискуссии, постоянно наталкивающиеся на объективные требования социально-экономических реалий привели к существенной смене акцентов в нормативных документах: к 2010 году, когда была принята Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, из политического и медийного дискурса, как и из нормативных документов, ушли политические акценты, стилистика и предлагаемые решения проблемы продовольственного обеспечения стали более нейтральными и конкретными (операционально понятными с точки зрения планируемых мероприятий и их результатов). В значительной степени на это повлияло и изменение ситуации в сельском хозяйстве: по сравнению с 1990-ми годами, агропромышленный комплекс действительно улучшил все свои

количественные показатели, что позволило говорить о постепенном росте аграрного сектора в 2000-е годы, в том числе и благодаря реализации Национального проекта «Развитие АПК» (2005-2007). Устойчивый рост индекса объемов произведенной сельскохозяйственной продукции вновь актуализировал дискурс о продовольственной безопасности, лишив его идеологического накала и политической ангажированности крайне тяжелых для населения и руководства страны 1990-х годов, хотя, безусловно, еще рано было говорить о продовольственном самообеспечении страны – значительную часть российского потребления обеспечивал импорт.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации зафиксировала два разноречивых акцента в социально-экономической повестке политического руководства стран: во-первых, сохранилась ориентация на продовольственное самообеспечение (независимость от импорта) посредством наращивания объемов собственного производства; во-вторых, в духе общеизвестных международных документов по вопросам продовольственной безопасности, подчеркивалась необходимость обеспечения высокого качества отечественного продовольствия и его доступности – экономической (ценовой) и физической (регионально-территориальной), т.е. в некоторой временной перспективе планируется, что каждый житель России будет иметь возможность приобретать в месте своего проживания качественные отечественные продукты питания. Тем не менее, «традиционно при обсуждении продовольственной безопасности на первое место ставят вопросы производства необходимого объема продовольствия внутри страны, а не обеспечения физического и экономического доступа населения к продовольствию» [19. С. 6].

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно об акцентах, потому что в Доктрине прописаны контрольно-целевые показатели (пороговые значения) самообеспечения страны по отдельным видам продовольствия (например, к 2020 году производить не менее 85% необходимого для

внутреннего потребления мяса и мясопродуктов – не менее 85% [21], фактически в 1,5 раза увеличить производство молока, мяса и овощей [22], например, молоком и молокопродуктами обеспечивать себя не менее чем на 90%, картофелем – не менее чем на 95% и т.д. [16]), однако понятия качества и доступности (вполне понятные на уровне здравого смысла) не получили в данном документе столь же четкого количественного «описания», позволяющего оценивать степень их достижения. Впрочем, данному обстоятельству есть вполне разумное объяснение: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, как аналогичный нормативный документ Республики Беларусь, призван обеспечить аграрную политику страны на долгосрочную перспективу, тогда как во множестве развитых стран, в том числе США, Китае и странах Западной Европе, решает скорее задачи продовольственного обеспечения в сложной/чрезвычайной ситуации.

Кстати, сегодня начинают звучать и крайне критические оценки попыток государства определять, «измерять» и контролировать параметры продовольственного потребления населения: «Сложившийся вектор социальной и культурной динамики еды выбрали сами люди в силу господства либеральной биополитики, абсолютизирующей ценности сциентизма, формального рационализма, прагматизма и меркантилизма, которые используются для осуществления “власти над телом” человека посредством администрирования питания и здоровья» [23. С. 190]. Иными словами, речь идет о том, что представители административного надзора навязывают людям нормы питания, исходя из научных (медицинских) знаний и апеллируя к соображениям заботы о безопасности жизни и здоровье человека, вследствие чего «сверху» фиксируются «нормы» питания, ограничивается «вредность» разных продуктов и т.д. (хотя подобная государственная забота может порождать отложенные латентные риски, которые в России, например, связаны в наибольшей мере с высокой степенью

недоверия и опасений генномодифицированных продуктов, суть происхождения которых в общественном мнении почти мифологизируется, а также с восприятием ряда стран как враждебных именно с точки зрения качества поставляемых ими в Россию продуктов и угроз отечественному производителю, по определению, гарантирующему более высокое качество и «натуральность» своей продукции).

Восприятие вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в качестве угрозы продовольственной безопасности подтвердили отечественные исследователи, проведя простейший контент-анализ российских печатных средств массовой информации за период с 1994 по 2014 годы [24]: до 2012 года количество отсылок к ВТО в российской прессе четко коррелировало с успешностью процесса вступления России в эту организацию – так, в 2009-2010 годах, когда государство провозглашало курс на обеспечение продовольственной безопасности в духе продовольственной независимости, в российской прессе резко сократилась частота упоминаний ВТО, пик популярности ВТО в российских массмедиа пришелся на 2012 год, когда Россия стала членом ВТО. Введенные правительством Российской Федерации в августе 2014 года меры продовольственного эмбарго усилили и укоренили в политическом дискурсе и общественном мнении верность курсу на продовольственное самообеспечение страны – фактически возобладал экономический национализм и продовольственный протекционизм, что явно свидетельствует об отходе от того либерального курса, который декларировался и был условием для вступления России в ВТО.

Декларативно и на самом деле (хотя и в формате разрозненных мероприятий) реализуемая в России Концепция продовольственной безопасности неоднократно рассматривалась социологами и экономистами с самых разных точек зрения: используемых экономических индикаторов оценки [19]; различных содержательных акцентов в российских и зарубежных трактовках продовольственной безопасности [25]; порождаемых

продовольственными проблемами и связанными с ними вопросами (в частности, земельной собственности) трансформаций признаков «тихого продовольственного суверенитета» в сельских сообществах [26]. На наш взгляд, в целях компаративистского сравнения пространственно-продовольственных аспектов жизни сельских поселений в разных регионах Российской Федерации и мира важно дополнить эти аналитические контексты еще одним – оценкой состояния гражданского общества и уровня развития социальной активности населения в сельских поселениях.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации в качестве одной из причин кризиса называется слабость институтов гражданского общества в сельских районах, и, прежде всего, сельского самоуправления; здесь же говорится, что для обеспечения устойчивого развития сельских территорий среди прочего необходимо формирование в сельской местности институтов гражданского общества, обеспечивающих защиту экономических и социальных интересов различных групп населения, очевидно, что в том числе и в сфере продовольственной безопасности. Соответственно, необходимо рассмотреть подходы к трактовке понятия «гражданское общество» в российском и западном понимании, определить, что же такое сельское гражданское общество и рассмотреть конкретные примеры гражданских инициатив, направленных на развитие сельских территорий России, в том числе и в контексте проблем продовольственного самообеспечения.

В западной литературе четко прослеживаются две различные интерпретации понятия «гражданское общество». Как пишет Д. Пардю [27. С. 2], на протяжении длительного времени идут дебаты на тему, является ли гражданское общество частью дихотомии «государство-гражданское общество» (Г.В.Ф. Гегель) или частью трехугольной конструкции «государство-экономика-гражданское общество» (А. де Токвиль). Иными словами, можно ли рассматривать гражданское общество как противовес

государственной политике и власти или как «помощника» государства, принимающего участие в управлении, сотрудничая с государственными органами. Мы придерживаемся понимания гражданского общества как посредника между государством, бизнесом и гражданами, выполняющего не только функции механизма по предоставлению услуг, но и некой политической силы, действующей в условиях консолидированной демократии. Гражданское общество имеет следующие важные характеристики: представлено организованными формами общественной жизни; носит добровольный и добровольческий характер; институционально отделено от власти; это совокупность некоммерческих, самоуправляемых, самогенерирующих организаций, частично самофинансируемые» [см., напр.: 28; 29; 30].

Хотя в России понятие «гражданское общество» стало популярно в лексиконе научных и повседневных дискурсов еще со времен «перестройки», до сих пор нет единого мнения, что такое гражданское общество и существует ли оно вообще в России. Кроме того, активно употребляются различные термины, тесно связанные с основной трактовкой гражданского общества как некоторого противовеса государству: некоммерческие, негосударственные, общественные организации; «третий», некоммерческий сектор и т.д. Очень часто ученые и политики не делают различий между ними: например, в обзоре российской некоммерческой исследовательской группы «Циркон» [31] ставится знак равенства между понятиями «некоммерческое» и «третий сектор», С. Санович употребляет как синонимы понятия «гражданское общество», «НПО» и «третий сектор» [32]. Впрочем, существуют и другие мнения, например: «сам факт существования государства является одновременно свидетельством существования гражданского общества» [33]. Оптимистичный взгляд на гражданское общество в 2008 году продемонстрировал в статусе президента Российской Федерации Д.А. Медведев: «Наше гражданское общество рождалось в

болезненных, противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня является важным элементом политической жизни – это неоспоримый факт. Более того, структурированное гражданское общество – сейчас проходит процесс его оформления – уже имеется» [34].

Считается, что российское гражданское общество зародилось во время и после развала Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Однако многие авторы придерживаются мнения, что никакого гражданского общества не было и нет ни в Советском Союзе, ни в современной России [35], некоторые элементы гражданского общества могли возникнуть в условиях тоталитарного режима, но «отсутствие необходимых условий, которые могли бы обеспечить независимость этих элементов от политической власти и их право на самоуправление и самостоятельную деятельность делает невозможным рассматривать общество как гражданское».

В концепциях гражданского общества можно выделить два основных аспекта: описательный (или эмпирический) и нормативный (политический). Первый имеет отношение к добровольному, некоммерческому и неправительственному секторам, второй – к сфере, через которую можно противостоять, влиять или оказывать давление на государство, а также на экономические отношения [36. С. 15]. Согласно Л. Яшину, в современной России «гражданское общество крайне неорганизовано, абсолютно деморализовано и очень слабо», можно говорить о наличии отдельных групп и активных граждан, но как таковое гражданское общество на территории страны, к сожалению, отсутствует [37]. Некоторые исследователи также утверждают, что политическое измерение организаций гражданского общества в России очень размыто – их деятельность крайне сложно квалифицировать как преследующую политически цели [35. С. 15].

Интересный взгляд на российское гражданское общество предлагают М. Либоракина и ее соавторы, которые утверждают, что в постсоветское

время структура «общество-государство» стала похожа на песочные часы, в которых верхняя часть представляет государство и политику, а нижняя – общество: наверху элиты конкурируют за власть, богатства, престиж, внизу также наблюдается значительная социальная активность граждан, но ориентированная не на решение политических задач, а скорее на компенсацию пробелов в сфере государственного управления. Такое общество может быть похоже на гражданское, однако связь между верхней и нижней частями весьма ограничена, особенно в политическом своем измерении [38].

Другая группа исследователей [см., напр.: 39] говорит об особой форме российского гражданского общества и невозможности оценить его по западным стандартным лекалам. Так К. Ханн считает, что «стандартная» западная модель гражданского общества совсем необязательно будет «полезна в попытке понять социальную реальность, существующую в условиях, коренным образом отличающихся от тех, в которых эта модель была впервые использована (возникла)» [40. С. 17] . По его мнению, классическую западную концепцию или модель необходимо расширить и адаптировать к местным условиям, и если это будет сделано, то термин «гражданское общество» может стать продуктивным для обозначения широкого спектра видов социальной активности и в российском обществе [39. С. 9], и можно будет говорить о существовании российской национальной модели гражданского общества [41. С. 25]. Так, С. Воробьев пришел к выводу, что этатизм является наиболее эффективной теоретической основой для построения модели гражданского общества в России, поскольку в нашей стране оно должно находиться «в состоянии партнерства с государством, подчиняться державным целям и задачам и терпимо относиться к ограничениям индивидуальных прав и свобод во имя экономического развития, социального обеспечения и государственной безопасности» [42. С. 20]. Такой подход, с одной стороны, пытается

апеллировать к символам величия власти старой (царской) России (великодержавность), а не к патриотизму, но, с другой стороны, одновременно призывает к признанию приоритета государственных интересов над индивидуальными правами и свободами на пути страны к «управляемой демократии» как особой форме регулируемого сверху гражданского общества. Безусловно, в западном понимании важным (и конститутивным) аспектом гражданского общества является то, что оно функционирует в виде свободных и независимых от государства ассоциаций, гражданские права которых гарантированы государством, но не контролируются им [27. С. 2].

Учитывая столь широкий спектр мнений относительно конститутивных характеристик гражданского общества, позволяющих констатировать его наличие и «качество», необходимо признать, что до сих пор нет четкого и полного представления о том, что же такое гражданское общество именно в России [43]. Ниже мы будем использовать термины «НКО», «общественные организации», «третий сектор», «некоммерческий сектор» как синонимы, следуя общей традиции исследований гражданского общества в России, однако при этом мы будем иметь в виду отнюдь не только официально зарегистрированные организации, но и любые проявления гражданской активности сельского населения, особенно в сфере решения задач своего продовольственного обеспечения.

В связи с тем, что на сегодняшний день отсутствует четкое понимание состояния (и самого факта наличия) гражданского общества в России, существенно различаются и его количественные оценки. Самый оптимистичный вариант статистических оценок мы обнаружили в статье И. Мерсияновой [44], согласно которой на 1 января 2009 года общее количество НКО в России составляло 360 тысяч, и приблизительно 38% (т.е. 136 тысяч) из них реально работают. К сожалению, количество НКО в сельской местности крайне незначительно – менее 5% от их общего числа.

Большинство общественных организаций невелики по своим размерам: 36% НКО вообще не имеют постоянных сотрудников, 28% имеют от одного до пяти сотрудников на условиях полной занятости (40 часов в неделю). В целом в российском некоммерческом секторе занято не более 0,89% экономически активного населения; 24% НКО не привлекают добровольцев, 27% НКО используют до 10 добровольцев [44].

Как нам кажется, при отнесении к указанным выше 5% сельских НКО в российских регионах был использован именно принцип месторасположения. Однако американский исследователь С. Вегрен определяет сельские НКО как организации, которые обслуживают сельское население, т.е. целевая аудитория важнее места расположения НКО. Сельские НКО могут работать в селах, в районных или областных центрах или даже на федеральном уровне – в Москве, но тот факт, что они находятся за пределами сельской местности, частично является лишь следствием плохих социальных условий на местах: некачественные дороги, отсутствие или нехватка общественного транспорта, недостаток средств и т.д. [45. С. 133]. Иными словами, сельские НКО – те, что обслуживают сельское население, т.е. в данном контексте оно воспринимается только как потребитель услуг, а не как активный участник – по сути, такое понимание не вписывается в концепцию гражданского общества. Мы согласны с тем, что месторасположение не должно являться единственным критерием для определения сельских НКО, что должны быть и другие основания – попытаемся предложить классификацию существующих неправительственных, некоммерческих организаций по географическим и административным уровням, чтобы точнее определить суть деятельности сельских НКО.

Прежде всего, следует выделить общественные организации федерального уровня. В качестве примера организации, действующей на федеральном уровне, можно назвать Ассоциацию крестьянских (фермерских)

хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) – она является неправительственной и некоммерческой. Несмотря на то, что она создана на федеральном уровне, ее членами являются жители сел: в состав АККОРа входят 68 региональных крестьянских союзов и ассоциаций, которые объединяют более 600 фермерских организаций районного уровня, в которые, в свою очередь, входят более 93 тысяч фермерских хозяйств.

Сельские территории в целом и сельское местное самоуправление в частности часто рассматриваются в политических документах и даже в научной литературе как достаточно отсталые, более стабильные по своим мировоззренческим приоритетам, менее политизированные и менее спорные в сравнении с городскими [46]. Это «отсталое и менее политизированное» сообщество АККОР и представляет на политической арене: в 1990-е годы АККОР участвовал в выборах в Государственную Думу в различных союзах (в 1993 году – с «Выбором России», в 1994 году – с «Наш дом – Россия»). В 2010 году партия «Единая Россия» включила в свою программу партию «Российский фермер» – с тех пор АККОР и «Единая Россия» – «близнецы-братья», например, представители АККОР активно участвовали в региональных выборах всех уровней, прошедших в сентябре 2015 года [47].

На федеральном уровне также существуют и другие организации, которые имеют иерархическую структуру и спускаются на уровень села – это союзы пенсионеров, ветеранов, женщин, история которых своими корнями уходит в советское прошлое. Данный союз и ему подобные без сомнения являются акторами гражданского общества России, причем представляют как эмпирический, так и политический аспекты – это и досуговая деятельность, и защита прав и интересов своих членов. Другой вопрос – насколько низовые организации, действующие на муниципальном уровне, активны и подходят под определение гражданского общества, но этот вопрос мы рассмотрим позже.

Примером организаций, действующих на разных уровнях (регион – город – район – поселение) можно назвать фонды местных сообществ. Фонд местных сообществ (ФМС) – это филантропическая, грантодающая некоммерческая организация, независимая от влияния других организаций, государств или отдельных доноров, управляемая коллегиальными органами и принимающая независимые решения, направленные на улучшение жизни в географически определенном сообществе. В настоящее время в Российской Федерации действуют 45 ФМС, еще 13 организаций в той или иной степени используют модель и подходы фондов местных сообществ [48. С. 4]. Изначально создаваемые в России фонды назывались городскими благотворительными фондами, так как располагались в основном в больших промышленных городах и принимали участие в так называемой «городской регенерации», но в дальнейшем фонды стали обращать свое внимание также и на сельские районы. В настоящее время в Российской Федерации 36% фондов работают в сельских районах (29% фондов – на районном уровне и еще 7% на селе).

В отличие от многих других грантодающих организаций фонды местных сообществ работают не только с зарегистрированными организациями, но и с инициативными группами, т.е. более приближены к нуждам местных сообществ, предоставляя им возможность решать свои локальные проблемы и повышать гражданскую активность населения в целом. Кроме того, фонды способны к мобилизации разнообразных ресурсов, недооцененных местным сообществом, хотя на селе достижение ощутимых результатов нередко происходит в гораздо более короткий срок, чем в условиях городской среды. Кроме того, устойчивость изменений, полученных в рамках проекта, также гораздо выше, при этом жители села запрашивают меньшие суммы для реализации своих идей, чем на это потребовалось бы средств из региональных и федеральных бюджетов. Связано это, главным образом, с минимальными административными

расходами: в сельских проектах максимально используются местные ресурсы и добровольный труд жителей села, наиболее важные сельские проекты часто реализуются «всем миром», причем в работе принимают участие не только взрослые, но дети и подростки [49. С. 9-10].

Таким образом, можно выделить несколько разновидностей гражданского общества в России. Первое из них было «создано» при поддержке со стороны государства, чтобы «служить государству» – этот тип гражданского общества молод, имеет очень короткую историю, так как стал формироваться лишь в последние 15-20 лет. Этот тот тип гражданского общества ряд исследователей [см., напр., 42] рассматривает как «подлинное», направленное на служение обществу под эгидой государства. Примерами этого типа могут служить Общественная палата Российской Федерации, АККОР и некоторые другие формальные и профессионализации организации. Другой тип гражданского общества был заимствован с Запада, пришел в Россию во времена «перестройки» и сразу после нее. Фонды местного сообщества – классический тому пример. Подобные организации – это гражданское общество по А. де Токвилю – они не зависят от государства и представляют собой своего рода противовес государственной власти, а также зачастую и капиталу/бизнесу. Некоторые из них политически нейтральны, другие нет (к этому типу часто относят и политические партии).

Третий тип гражданского общества представляет из себя организации советского наследия, которые имеют долгую историю и являются частью «официальной и формальной» структуры государства и общества. Они также существовали в качестве неформальной части в рамках структуры «государство-общество» (так называемая «кухонная демократия»). В настоящее время на селе они, как правило, представлены различными неформальными социальными группами неполитической ориентации. К ним относятся различные клубы и советы (женские клубы и группы, клубы ветеранов, спортивные, молодежные клубы и т.д.), они действуют как

проблемно-ориентированные НКО, и чаще всего ориентированы на определенную целевую аудиторию. Эти организации имеют тесные связи с местным населением, хорошо осведомлены о местных потребностях и проблемах, активно помогают в их решении.

В целом роль организаций нижнего уровня не сильно изменилась с советских времен. Они все еще работают для удовлетворения местных потребностей, политически неактивны и объединяют определенные социальные группы (женщины, инвалиды, ветераны и т.д.). Главное изменение, на наш взгляд, это появившаяся независимость от вышестоящих инстанций: сегодня практически нет партийного контроля, отношения с местными органами власти больше похожи на партнерские, чем на отношения в рамках иерархической структуры. Виды деятельности определяются местными активистами и членами клубов самостоятельно, а не диктуются сверху. Но в любом случае у них нет всеобъемлющей свободы/независимости, так как большинство таких организаций не зарегистрированы, не имеют своего бюджета и финансово зависят от разного рода организаций (муниципальная власть, грантодатели, спонсоры и т.д.).

Возвращаясь к метафоре песочных часов, мы бы сказали, что сельские общественные организации в России можно разделить на две группы: в верхней части песочных часов будут организации, которые оказывают политическое влияние, отстаивают интересы сельского населения, в то время как в нижней части часов обитают те, что участвуют в предоставлении услуг населению, улучшают благосостояние жителей, работают во благо местного сообщества. К сожалению, контакты между эти двумя типами сельских организаций ограничены, а основные принципы гражданского общества разделены между различными уровнями, различными типами сельских НКО.

2 Программа пространственно-продовольственного мониторинга

На сегодняшний день вполне очевидны трактовки продовольственной безопасности, зафиксированные в официальных документах и транслируемые медийным дискурсом (в основном подчеркивающие необходимость достижения независимости от импорта продуктов питания посредством наращивания собственного аграрного производства). Однако нам представляется крайне важным зафиксировать и повседневное «измерение» проблем продовольственной безопасности через коллективные представления и оценки простых россиян – городских и сельских жителей, которые, безусловно, формируются под влиянием государственнического дискурса и медийных форматов его воспроизводства, но неизбежно корректируются обыденными реалиями повседневной жизни, где каждый из нас вынужден соотносить свои возможности и потребности с ассортиментом, качеством, стоимостью и доступностью продуктов питания. В частности, нас интересует отношение российского населения к реализуемым правительством мерам по обеспечению продовольственной безопасности страны, оценка населением ключевых мер по обеспечению продовольственной безопасности страны, уровень осведомленности населения о Доктрине продовольственной безопасности, мотивы выбора продуктов питания (и, вероятно, предпочтения отечественных продуктов), изменения в практиках потребительского поведения после введения избирательного продовольственного эмбарго и начала кризисных явлений в экономики России.

Безусловно, чтобы увидеть объективную картину состояния продовольственной безопасности в России, максимально свободную от политической «нагрузки», необходимы строго экономические ее оценки. Таковыми, в частности, оперирует Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, которая утверждает, что

продовольственная безопасность не означает продовольственное самообеспечение, что любая страна должна стремиться к производству достаточного количества продуктов для своих продовольственных нужд, если в собственном производстве есть сравнительные преимущества, но в то же время быть в состоянии импортировать необходимое количество продовольствия для обеспечения продовольственных потребностей своего населения – в физическом и экономическом плане (доступности). Соответственно, в качестве показателей оценки продовольственной безопасности ФАО использует следующие: наличие продуктов (объемы производства, урожайность/продуктивность, объему запасов и т.д.); их доступность (экономическая возможность приобретения необходимых продуктов на имеющиеся доходы, транспортировка продовольствия); стабильность продовольственного обеспечения (достаточность продовольствия в разные периоды, изменение цен); продовольственное потребление (соответствие фактического потребления нормам пищевой ценности по калориям, белку, микроэлементам и т.д.) [19].

В общем и целом экономисты отмечают вполне достаточный уровень продовольственной самообеспеченности России, апеллируя к обозначенным в Доктрине показателям пороговым значениям, и проблемными здесь являются такие виды молочной продукции, как сыр, масло, сухое молоко, по которым показатели самообеспеченности значительно ниже порогового уровня, а также отдельные виды мясной продукции, например, говядина. По ряду фундаментальных показателей продовольственной безопасности, зафиксированных в Доктрине, наблюдается негативная динамика, в частности, в ряде отраслей отмечается ухудшение качества производимой продукции (например, сыров), а также снижение экономической доступности продуктов питания в силу роста цен, однако в то же время в публичном дискурсе постоянно звучат утверждения о «возрождении» российского агропромышленного комплекса и пользе продуктового эмбарго.

Соответственно, нашей задачей было определить, каковы повседневные продовольственно-потребительские представления и практики российского населения и насколько оно поддерживает государственную риторику в русле уверений в необходимости продовольственного эмбарго и продовольственной независимости и суверенитета страны.

В 2015 году мы провели первый региональный мониторинг продовольственной безопасности через оценки российского населения. Были опрошены мужчины и женщины в возрасте от 18 до 92 лет, проживающие в сельской и городской местности Алтайского края, Краснодарского края и Приморского края (размер выборки составил 1831 респондент). Данные три региона были выбраны для первого телефонного опроса по программе нашего продовольственного мониторинга по следующим причинам: во-первых, Алтайский край, Краснодарский край и Приморский край репрезентируют соответствующие макрорегионы Российской Федерации – Европейский, Сибирский и Дальневосточный; во-вторых, каждый регион является лидером в своем макрорегионе по производству аграрной продукции; в-третьих, относительно друг друга, а также в целом среди субъектов Российской Федерации эти три региона по своим ключевым аграрным показателям сильно дифференцированы: Краснодарский край характеризуется огромными объемами сельскохозяйственного производства, Алтайский край – средними показателями, Приморский край – наименьшими.

Согласно полученным результатам, большинство опрошенных (91,7%) уверены в необходимости Доктрины продовольственной безопасности, меньше, но опять же большинство (71,1%) поддерживает отказ от ввоза импортных продуктов питания, т.е. фактически поддерживает введенные государством меры по обеспечению продовольственной безопасности страны, носящие откровенно протекционистский характер. Причем поддержка эта носит скорее интуитивно-стереотипный характер, а не

рационально мотивирована, поскольку большинство респондентов (66%) ничего не слышали о Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации – треть опрошенных уверяет, что знают о существовании данного документа.

Большинство опрошенных (94%) в ситуации потребительского выбора предпочли бы купить российский продукт, а не иностранный. В ходе интервью столь убежденный выбор отечественной продовольственной продукции получил свои объяснения. Одну из причин запрета импорта иностранных продуктов питания респонденты видят в их опасности для здоровья по причине содержания химикатов и генномодифицированного характера: *«Обязательно надо запретить, потому что оттуда и болезни, и все остальное. И всевозможные заражения. Мы уже пищим от этой зарубежной химии»* (женщина, 79 лет). Иногда импорт в Россию продуктов питания, которые произведены с использованием генномодифицированных продуктов, объясняется сознательным желанием западных держав подпортить здоровье граждан России и, тем самым, нанести стратегический урон нашей стране: *«Нужно запретить, нужно, обязательно нужно! Во-первых, это безопасность. Во вторых, капиталистические страны стремятся уничтожить нас как население вообще некачественными продуктами ГМОшными, чтобы у нас рождаемости не было, и так далее, чтобы мы поумирали побыстрее, а они бы захапали бы наши все полезные ископаемые. Россия для них – кость в горле. Естественно, эта безопасность, она лежит и в политической, и в нашей плоскости выживания просто-напросто»*. *«Потому что они, допустим, будут нам какие-то ГМО и не ГМО или еще различные продукты поставлять, но они не будут нормального, здорового качества, потому что это враждебная страна, и она хочет нас уничтожить»*.

Однако и столь жесткие оценки нередко соседствуют с высокими оценками качества зарубежных продуктов питания. Например, респондент

сначала в разговоре говорит о необходимости запрета ввоза импортной продукции из-за ее низкого качества и даже вредности, а затем рассказывает, как хорошо питаются жители Австрии: «У меня полгода дочь была в Австрии, в Вене. И говорит: “Мама, там продукты питания для своего населения намного вкуснее, чем у нас”. Хотя маленькая страна. То есть, если помидор, он помидором пахнет, понимаете? Если это молочный продукт, то он сделан по всем ГОСТам, у них по-другому как-то называется система качества. Они за этим очень следят. И даже те косметические средства, которые они делают для своих работников, для своего населения, эти же фирмы у нас более низшего качества, возможно, совместные предприятия с нашими отечественными производителями, т.е. качество хуже. Это говорит об отношении того, кто производит, к народу. Вот это в корне надо менять! У нас такая большая страна, столько земли, мы можем столько натуральной продукции производить, и вдруг мы...! Наш народ травят! Мы в более худшем положении, чем они, находимся».

Впрочем, нельзя сказать, что респонденты уверены в качестве нынешней российской продукции, о чем свидетельствуют ностальгические воспоминания о хорошем качестве продуктов в Советском Союзе: «Да! Если колбаса – так она мясом пахла, за ней очередь стояла... Сейчас я ее вообще перестала брать! Это нормально? Я боюсь. То ли аппетит начинает баснословный из тебя прямо выходить, кидаешься на все, т.е. добавки такие добавляют страшные, и какое же здоровье? А дети какие у нас все толстые, безобразные! Сколько стало толстых людей из-за этого! Вообще надо запреты полностью пересмотреть, я так считаю! Это ненормальная ситуация. Пусть продуктов будет меньше, но они пусть будут нормальными, натуральными. Не надо такого разнообразия дурного». «В этой доктрине говорится о том, что надо себя обезопасить. Чем? Продукцию надо свою иметь, от всякой химии свободную. А мы сейчас химию едим. Хлеба настоящего у нас нету, все туда пихают: и разбавители,

и рыхлители. Хорошего хлеба у нас нету. Нету! Тот хлеб, который у нас выпекался когда-то, бабушки, дедушки и мы в том числе пекли. Такого хлеба и в помине нету».

Другой важный мотив отказа от покупки зарубежных продуктов в пользу отечественной продукции – трактовка последнего шага как поддержки политического курса руководства страны: *«Вот, допустим, с Украины ничего брать нельзя – бендеровцев, фашистов поддерживать, это просто преступление, можно сказать. Возвращать их, чтобы они начали войну и людей резали, это недопустимо»*, и нежелание поддерживать экономику тех стран, которые выступают оппонентами России в нынешних политических и иных конфликтах на международной арене: *«Но Порошенского конфеты я прямо категорически не беру»*; *«Обязательно запретить. И на строжайшем контроле. Особенно с Украины. Хотя я сам украинец, я там родился, там жил. Но я сейчас в России, я недоволен. Особенно от враждебных стран: Грузия, Украина, Америка – всех, кто против России, от тех строго надо запретить вот это все. Особенно ввозить продукты и все прочее. Я строго против этого»*; *«Я бы чисто из вредности запретила. Потому что нам все пакостят»*; *«Потому что если они к нам плохо относятся, почему мы должны им блага какие-то? Это даже с точки зрения космоса, это ненормально! Делать добро людям, которые все время нам зла хотят! Получается, что о нас ноги вытирают! Мы им помогаем с экономической точки зрения. Зачем? Если они хотят у нас перевороты делать, гадость нам шлют. И на таможенню особо надеяться не стоит! Они разве каждую фуру внутри проверяют? Они могут нам такое привезти! Может быть, сами понимаете, и отравления, и все, что хотите!»*; *«Вот будете всех опрашивать, наоборот, рекомендуйте, чтобы поддерживали свою экономику, не чужих стран. Они как враги нам теперь. Поглядите, сколько их, аж зубы-то оцерили как, а?! Это мы*

сколько кормили при всей советской власти, кормили, кормили их, а они теперь вон что выделывают – это куда?».

Оттеняет столь негативные высказывания вполне позитивная мотивация – запретить ввоз импортной продукции, чтобы стимулировать и развивать отечественное производство и поддерживать российский рынок продовольствия и занятости, хотя само данное представление выглядит несколько странно – вряд ли развитие нашего производства столь серьезно зависит от запрета ввоза зарубежных продуктов. *«Обязательно должна запретить! Это, во-первых, и нашу безопасность сохранит, и повысит занятость населения, безработица сократится. Два зайца убивается этим делом. У нас можно свои качественные продукты не хуже ихних производить. Вспомните, как в советское время арбузов на Кубани была куча, тут все было свое! И помидоры, и огурцы, и картофель! Тут в продуктах никогда не было дефицита здесь, на Кубани, понимаете?».* *«Запад на нас санкции наложил, в результате у нас проблемы получились небольшие, так сказать, с продовольствием. Зачем нам, если разобраться, импортное замещение продукции, если мы можем производить все здесь. Во-первых, это рабочие места – раз. Во-вторых, цены – два. Естественно, я за то, чтобы в России пожизненно было все свое, а не все импортировалось».* *«У нас столько земли, которую нужно использовать, и люди стремятся к этому. И молодежь стремится – вот видно по поселку. Новые люди приезжают, огороды свои делают. И Краснодарский край – он как житница у нас. Поэтому центральная часть России – сколько у нас там земель брошенных, купленных, которые пустуют, бездействуют...».* *«От Запада, я считаю, логически было бы отказаться. И от их фруктов. Как наш Владимир Владимирович, уважаемый президент, сказал, у нас, да, ситуация как бы немножко напряжена, пришлось и пояса подтянуть, и где-то что-то себя ограничить. Но такой катастрофической ситуации нету. У нас*

предостаточно сейчас возможностей и времени поддержать реально сельского производителя».

Однако при этом респонденты прекрасно понимают и существование серьезных проблем в российском сельском хозяйстве: *«Корпорации гребут и тендеры, и зеленый свет у них везде... Плюс если сидит еще руководитель: губернатор или мэр – он подтягивает конкретно своих людей, которые под него прогиб делают. Он полностью обеспечивает им зеленый свет. Они выигрывают и тендера, и денежки, и все дела, им способствует. Потом он уходит через определенный срок, отрулив на губернаторском или мэрском, депутатском пускай даже месте, на готовый, развитый свой бизнес, на готовую уже отжатую конкурентоспособную продукцию, раскрученную, а маленький обыватель, который реально скребется и не может вылезти из этой утопической ситуации. На данный момент вот это так мое видение этого дела. Сложно им конкурировать».* Впрочем, данные высказывания встречаются реже, чем имплицитно или прямо выраженный патриотический настрой, как, например: *«Отечественный куплю. Я патриотка, я буду покупать отечественный продукт. Даже если он будет чуть-чуть дороже, я все равно его куплю».*

Большинство опрошенных (79%) стали больше тратить денег на продукты питания по сравнению с 2014 годом, и только у 15% уровень расходов сохранился на прежнем уровне. Чуть меньше респондентов (68%) признались, что вынуждены ограничивать себя в покупке продуктов питания из-за роста цен – каждый третий не ограничивает себя в покупке продуктов питания из-за роста цен. Причем в интервью поразительно часто звучали упреки в адрес недобросовестных ритейлеров, которые накручивают цены на продукты питания, и бороться с этим предлагалось государству – посредством жесткого регулирования ценообразования, особенно применительно к социально-значимым продуктам питания: *«Я придерживаюсь того, что государство должно регулировать цены на*

продукты, потому что они во всем мире регулируются, потому что капиталистическая система – она сильно алчная. Особенно у нас в России сильно много алчных людей, которые стараются на нажиться на спекуляции. Спекуляция – это порок. Они спекулируют на том, что когда товара нет, они начинают дороже продавать, чем он реально вообще со всеми-всеми накрутками стоит. В два, в три раза дороже. И с прибылью, и т.д. и т.п. со всеми расходами. Поэтому государство должно в пределах разумного вести бухгалтерию, этот подсчет, обязательно, потому что без вмешательства государства во всех сферах жизни нельзя, потому что начнется вакханалия, алчность и всевозможный грабеж населения. Потому что государство в пределах разумного все сферы жизни должно контролировать». «Считаю, что государство просто обязано установить максимальную цену на основные продукты питания – молоко, хлеб, мясо, колбасы, сыры... А по регионам дать указание своим губернаторам – если вы в состоянии сделать цену ниже для своих людей, которые у вас работают, которые в шахтах работают, которые работают на каких-то металлургических заводах, – ради Бога – сделайте меньше. Но если вы сделаете на копейку выше – мы вам сделаем секир-башка, как говорят татары». «...У нас очень много перекупищиков, за счет этого взлетают цены. Сам человек, который работает на земле, получает гроши. То же молоко – они очень мало получают. А перекупищик берет больше половины той цены. Это неправильно. Зарабатывать должны, в первую очередь, те, кто производит... Государство должно просто исключить перекупищиков и ограничить их в том, чтобы, ограничить какой-то суммой, которая не должна превышать от стоимости продукта. Потому что человек, который производит, должен иметь наибольшую прибыль. У них очень тяжелый труд. Везде...».

При дальнейшем росте цен 43% респондентов постараются выращивать больше продуктов на своем огороде, а не делать запасы

основных продуктов питания (7%), видимо, потому что 80% оказывают помощь своим родственникам деньгами, продуктами или работой по хозяйству и, скорее всего, надеются на взаимную поддержку в сложной жизненной ситуации – большинство (60%) уже сегодня получают помощь в виде денег, продуктов или работы по хозяйству от своих родственников. Мотивы этой поддержки варьируют – от традиционных до рациональных: *«Если бы родственники не держались бы друг за дружку, наверное, совсем бы все плохо было»; «...Я считаю, что это не помощь. А просто это мой сын, и я обязана ему помочь в трудную минуту»; «Помогаем всем своим родственникам, всем племянницам. Мы родителям, они нам помогают. У нас в семье все друг другу, я наконсервирую – раздаю. Родители там начадят лука того же, тоже раздаем. Мы всем делимся. У нас нет такого: это мой мешок картошки, это твой. У нас все чтобы у всех было».* Таким образом, параллельно государственной политике продовольственной безопасности (которую оно поддерживает) население воспроизводит свои традиционные устойчивые стратегии самообеспечения за счет личных подсобных хозяйств и разнообразных форм взаимной поддержки через социальные сети.

3 Результаты реализации программы пространственно-продовольственного мониторинга

Как показал наш первый мониторинг в 2015 году, наиболее оптимальным форматом его проведения является сочетание количественных и качественных оценок – дополнение статистических выкладок массового телефонного опроса анализом транскриптов наиболее развернутых телефонных интервью, в которых респонденты «расшифровывают» свой выбор тех или иных вариантов ответов в закрытых вопросах опросного инструментария. Впрочем, и обратное то же верно – количественные оценки нередко позволяют более адекватно оценить «качественные» оценки, на первый взгляд показавшиеся вполне очевидными. Например, в ответ на вопрос об уровне материального достатка респондент заявляет, что благосостояние у него хорошее, а затем идет вопрос о его реальных доходах, потому что необходимо субъективную оценку и реальную оценку, вернее оценку в стоимостных выражениях сопоставлять. И респондент отвечает – совокупный доход моей семьи составляет 5 тысяч, пенсию получают. Интервьюер не понимает, как это возможно – респондент говорит, что хорошо живет, и у него всего 5 тысяч ежемесячный доход. Оказывается, все очень просто: поскольку это деревня, в основном эти 5 тысяч уходят на туалетную бумагу и коммунальные услуги, а все остальное покрывается за счет товарного и натурального обмена между сельскими домохозяйствами, встроенными в сложную систему реципрокных обменов.

Другой обнаруживаемый в ходе прослушивания интервью момент состоит и в том, что зачастую именно патриотические настроения определяют основной мотив перехода на отечественные товары. Вернее, не перехода как такового, поскольку здесь мы не видим реального импортозамещения в действии (и по объективным причинам наличия соответствующих товаров, и при покупке каких-то конкретных товаров), а перехода дискурсивного: человек соглашается с теми или иными позициями (вариантами ответов) именно по-

тому, что патриотическая риторика формирует его личный потребительский дискурс. Именно таким образом, как нам кажется, и нужно интерпретировать «количественные» ответы, постоянно расширяя дискурсивный потенциал опросов общественного мнения, поскольку мы измеряем некоторые специфические особенности функционирования общественного мнения, которое, с одной стороны, действительно подвержено разным формам публичной и официальной риторики (если использовать более сильное слово – медийной пропаганды), а с другой стороны опирается на личный обыденный опыт взаимодействия с другими людьми в интересующем нас конкретном контексте – потребительских продовольственных практик.

Расширение интерпретационных возможностей наших опросов за счет прослушивания самых длительных телефонных интервью важно по двум моментам. Во-первых, в связи с устойчивой государственнической идеологией – у нас удивительная ситуация, потому что в последние годы данная идеология сменилась с либеральной на протекционистскую, вне всякого сомнения, а вот повседневная жизненная практика населения демонстрирует несколько иные черты. Повседневная жизнь представляет собой странное эклектичное соединение по возможности либеральной политики с эксцессами бюрократического протекционизма, причем вперемешку, абсолютно нелогично и непоследовательно. Вернее, там, где это возможно, власти проводят либеральную политику, поскольку они ее не могут проводить по тем или иным причинам (например, в связи с членством в ВТО), однако власти разных уровней постоянно смещаются в радикальный протекционизм, причем не согласуя элементы либерального и протекционистского поведения и мышления. Именно эти парадоксы реальной социально-экономической и повседневной жизни или, проще говоря, реального принятия решений определяют и кажущиеся парадоксы, и кажущиеся противоречия общественного мнения, когда люди, с одной стороны, живут по одним правилам (потребительские и иные повседневные практики), а декларируют совершенно иные мировоззренческие

принципы. У нас государство так живет, правительство так живет, поэтому было бы странно ожидать, чтобы частное лицо было более последовательно, чем все структуры власти или бизнеса.

Второй момент, который не столь очевиден на уровне транскриптов интервью, однако имплицитно в них прослеживается, – мифологемы общественного сознания относительно критериев отнесения конкретных продуктов к отечественным. В обществе существуют устойчивые коллективные представления, поддерживаемые официальной государственной и медийной риторикой, о том, что либо мы выращиваем то, что мы выращиваем, едим то, что у нас растет, а остальное, что вырастить не в состоянии, ввозим, либо, невзирая на последнее обстоятельство, мы должны пытаться выращивать самостоятельно у себя все, что нам нужно. Последний подход явно противоречит истории, потому что история появления многих продовольственных продуктов в России (и не только) свидетельствует об очень интересных вещах, в частности, что внедрение многих важнейших культур, которые позже становятся неотъемлемым элементом национального базового пищевого багажа (рациона) – как раз результат вполне осознанной государственной протекционистской или какой-то иной политики, причем в непосредственной связи с политическими решениями.

В социальной истории немало тому примеров, начиная с древних римлян, которые специально завозили целый ряд культур в Италию, чтобы как раз провести замещение импорта – это общеизвестный исторический факт, вполне соответствующий нынешнему российскому государственному курсу на самообеспечение и продовольственный суверенитет. Из более поздних исторических примеров можно назвать внедрение картофеля в Европе – это, несомненно, результат целенаправленной государственной политики по продовольственному обеспечению – что во Франции, что в Германии, что в Пруссии, что в России, что в Австрии. Осуществлялось это внедрение разными методами, но по сути это одна и та же политика. Аналогичным образом

англичане замещали чаем из Индии импорт из Китая – это пример переноса производства ряда важных продовольственных товаров на подконтрольную территорию. Поэтому вопрос скорее не в том, замещать или не замещать, а в том, поддается ли данный конкретный продукт замещению в принципе, т.е. можем ли мы заместить импортный чай в достаточном количестве просто физически. В России, конечно, не можем, и тому есть объективные причины. Дело не в том, хорошо это или плохо, а в том, что даже если это хорошо, но есть объективные ограничения – в некоторых пределах мы можем выйти на импортозамещение, но обеспечить себя чаем самостоятельно и полностью российское общество не в состоянии просто по географическим причинам.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в нашем исследовании на концептуальном уровне мы оперируем если не идеальными, то крайне генерализирующими моделями, а в реальности все гораздо сложнее. Скажем, на самом деле моделей продовольственной безопасности не две – либеральная и протекционистская, а строго говоря три – либеральная, протекционистская и «тихий» (а иногда и громкий) продовольственный суверенитет, наиболее ярко представленный в латиноамериканском формате, когда обыватель не бунтует, но сидит на своем огороде и обеспечивает свой суверенитет, будучи совершенно отключен от мира. При националистической риторике, например, у нас в стране политику продовольственной безопасности определяет несколько сотен крупнейших агрохолдингов, однако из них около 200 имеют штаб-квартиры за рубежом и фактически являются иностранными корпорациями – и с точки зрения того, где находит их штаб-квартира, и с точки зрения того, кто управляет этими агрохолдингами и получает прибыль от их деятельности в России.

Есть еще одна идеальная схема левого аграрного продовольственного дискурса, своеобразная смесь марксизма и популизма (точнее даже народничества), который утверждает по мотивам И. Валлерстайна, что мир, когда возникла единая капиталистическая система и сложился единый аграрный

капиталистический рынок (примерно в конце или во второй половине XIX века), постоянно находится под господством определенного режима, другой вопрос, что этот режим может сменяться каким-то другим в силу объективной исторической логики. Вот был первый продовольственный режим Британской империи с середины XIX века до начала Второй мировой войны. После Второй мировой войны оформился второй продовольственный режим, обеспечивший лидерство Соединенных Штатов Америки в годы холодной войны. Огромный агропромышленный комплекс Соединенных Штатов работал в условиях холодной войны, проталкивая американские стандарты и американскую продовольственную модель по всему миру. И где-то в 1980-е годы, еще до распада Советского Союза, наконец, возникает доминирующий сейчас третий продовольственный режим – режим громадных международных агросырьевых и агропромышленных корпораций, которые действуют поверх своих национальных правительств.

Уникальность российской ситуации заключается в том, что наша страна стремится построить собственный третий продовольственный режим в отдельно взятой стране. По сути, мы наблюдаем ту же самую сложную композицию крупных и сверхкрупных агрокорпораций, полунациональных, полужарубежных, но, тем не менее, не вписанных в общую картину мирового аграрного капитализма, а существующих достаточно националистически автономно.

Таким образом, мы выстраиваем наше исследование на концептуальном уровне как сложное сочетание разных теоретико-методологических моделей, объясняющих суть, задачи и проблемы продовольственной безопасности, а на эмпирическом уровне – как сочетание качественного и количественного подходов, где стандартизированный вопросник призван представлять не только процентные распределения, но и расшифровки, чтобы понять мотивацию и аргументацию респондентов, выбирающих те или иные варианты ответов на вопросы телефонного опроса. Фактически мы работаем

в ситуации, когда нам не нужно совмещать количественные и качественные данные – они уже совмещены, и нам просто нужно эту информацию анализировать. Конечно, около 1800 прослушать невозможно (а записей реально больше – фиксируются все обрывы, все соединения, у нас реально около 6000 записей телефонных звонков), поэтому в качестве критериев отбора самых информативных интервью мы опять апеллируем к количественным показателям – длительности разговора интервьюера и респондента.

В 2016 году, учитывая ответы на вопросы 2015 года, мы решили сократить инструментарий телефонного опроса, оставив в нем наиболее хорошо сработавшие и наиболее интересующие нас вопросы. В 2016 году мы провели, во-первых, общероссийский опрос населения, во-вторых, опрос в трех регионах, чтобы иметь и общую картину с продовольственной безопасностью по стране, и достаточно развернутую характеристику ситуацию еще в трех регионах. Ниже представлены результаты обоих опросов.

Итак, большинство россиян (71%) поддерживает решения российского правительства, связанные с ограничениями импорта зарубежных продуктов питания (Рис.1), чуть меньше (62%) полагают, что Россия должна вводить продовольственные санкции/антисанкции (противоположного мнения придерживается примерно каждый пятый) (Рис.2). Впрочем, лишь каждый второй уверен, что запрет ввоза продуктов питания принес стране больше пользы, чем вреда (Рис.3).

Поддерживаете ли вы или не поддерживаете решения российского правительства, связанные с ограничениями ввоза продуктов питания в Россию из-за рубежа?

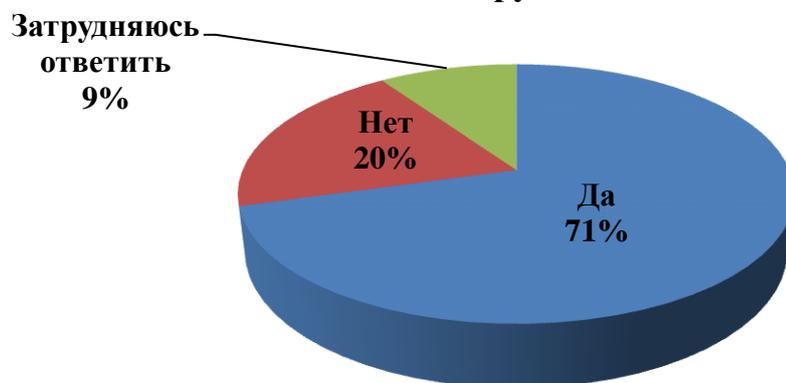


Рисунок 1

На ваш взгляд, должна или не должна Россия вводить продовольственные санкции/антисанкции?

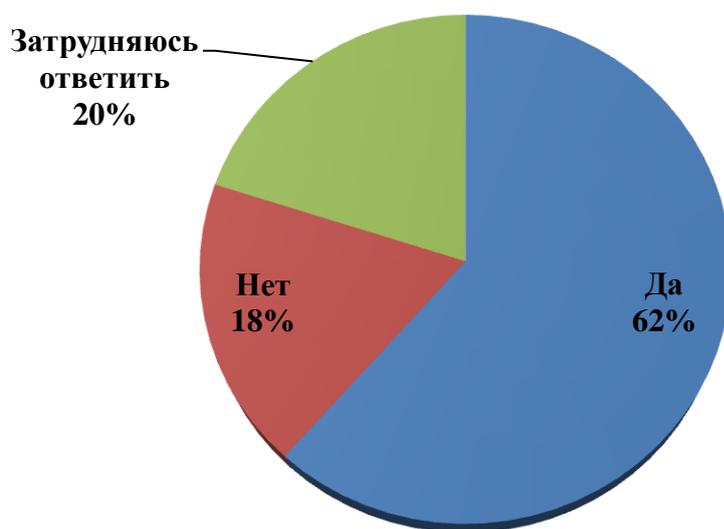


Рисунок 2



Рисунок 3

Россияне весьма оптимистично оценивают ситуацию с обеспеченностью продовольствием в нынешних условиях санкций/антисанкций, в большинстве своем (83%) полагая, что привычные для их рациона продукты питания с прилавков в текущем году не исчезли (Рис.4).



Рисунок 4

14% опрошенных все же отмечают исчезновение ряда продуктов питания с прилавков магазинов в текущем году, называя чаще всего в качестве таковых молочные продукты (40%), несколько реже фрукты (26%) и рыбу (24%), а также овощи (16%), хотя каждый пятый не смог назвать конкретный вид продовольствия, видимо, фиксируя некую личную осведомленность о ситуации в стране в условиях общей медийной обеспокоенности последствиями введения антироссийских санкций и ответного продовольственного эмбарго (Рис.5).



Рисунок 5

В то же время внушительное число опрошенных (63%) признались, что ограничивают себе в покупке продуктов питания – отрицает подобную поведенческую практику примерно каждый третий (Рис.6).



Рисунок 6

Что касается сокращения потребления продуктов питания вследствие роста цен, то в основном оно коснулось мясных (59%) и рыбных продуктов (53%), а также фруктов (46%), 28% назвали в качестве таковых овощи, 27% – молочные продукты (Рис.7). Причем если цены на продукты питания еще повысятся, то россияне готовы перейти на самообеспечение овощами и фруктами с огородов (45%) и еще большие ограничения в покупке продовольствия (27%) (Рис.8).



Рисунок 7



Рисунок 8

В основном россияне покупают продукты питания в больших универсальных магазинах (70%), намного реже на рынке или в небольших продук-

товых магазинах (38% и 36% соответственно (Рис.9). При покупке респонденты обращают внимание, прежде всего, на срок годности (58%) и цену (48%), каждый третий еще и на состав продукции, намного реже – на марку или страну производителя (по 15%) (Рис.10). Однако в случае выбора из двух одинаковых по цене и качеству продуктов, произведенных в России и за рубежом, абсолютное большинство опрошенных все же отдаст предпочтение отечественному продукту (Рис.11).



Рисунок 9



Рисунок 10

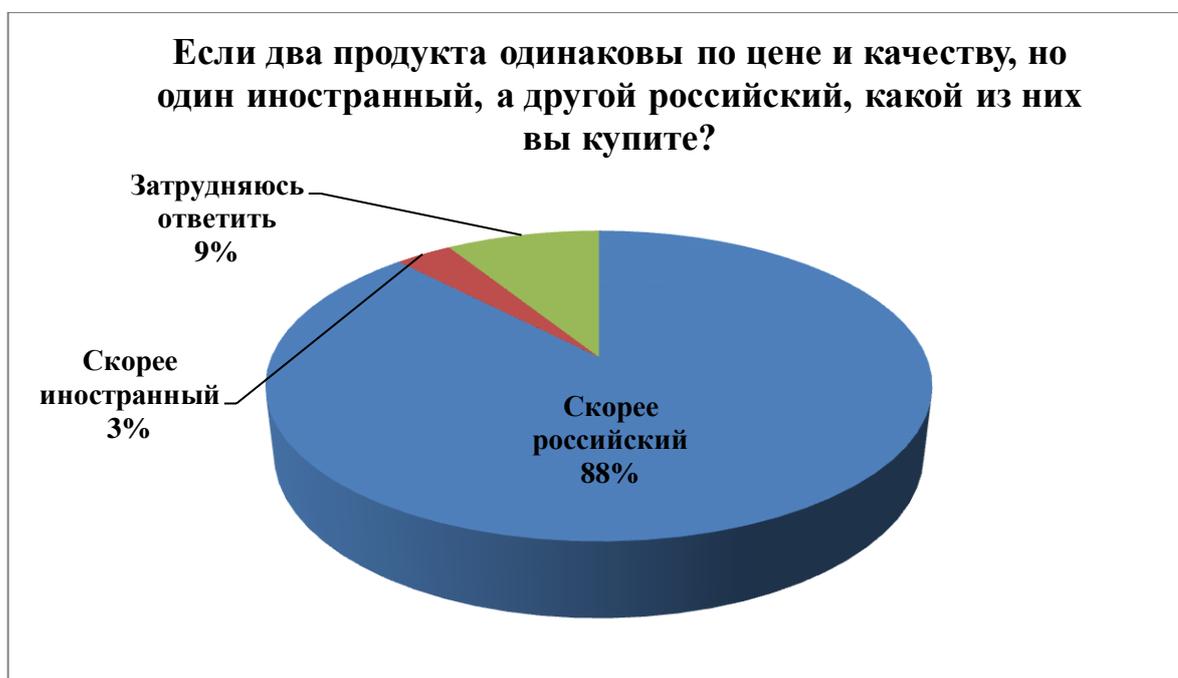


Рисунок 11

По собственным оценкам, на продукты питания четверть россиян тратит более 50% семейного бюджета, свыше трети – от 30% до 50%, менее трети – от 10% до 30% (Рис.12). Причем лишь у каждого пятого расходы на про-

довольствие в 2016 по сравнению с 2015 не изменились – большинство (72%) отмечают их рост (Рис.13).

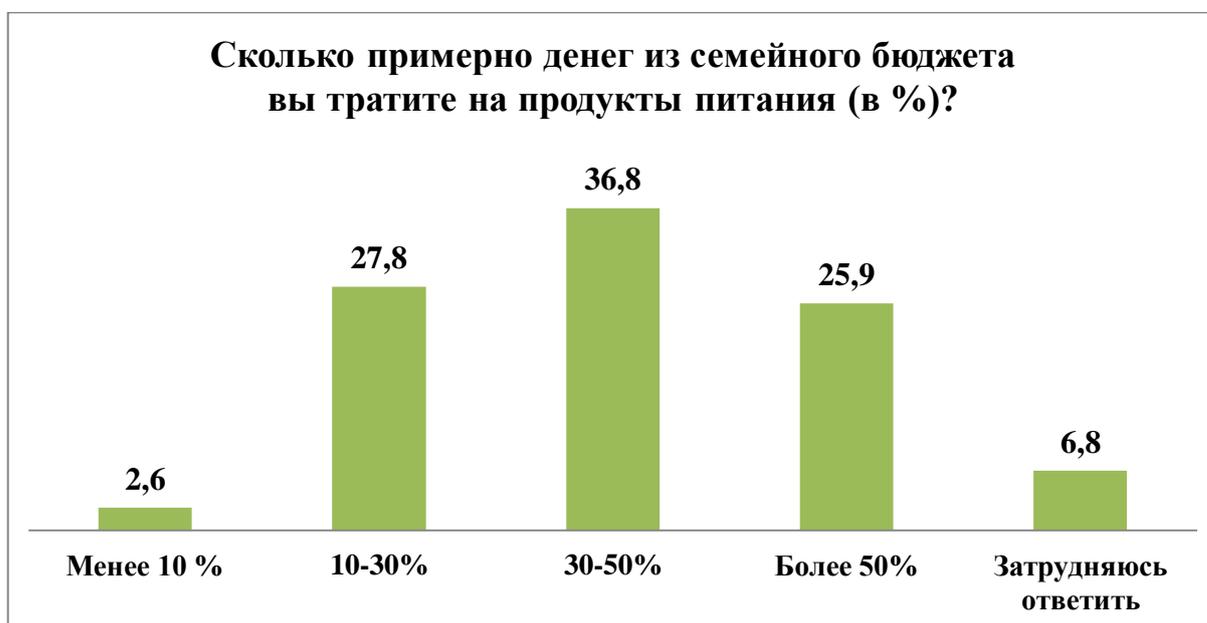


Рисунок 12



Рисунок 13

Большинство россиян (72%) уверено, что государство должно контролировать цены на все продукты питания, каждый четвертый полагает, что

данный контроль нужен только в отношении социально значимых продуктов питания (Рис.14).



Рисунок 14

Чтобы отследить региональную дифференциацию самооценок российского населения с точки зрения продовольственного обеспечения, в ходе общероссийского опроса были выделены три региона, для которых были построены подвыборки, позволяющие говорить о ситуации в каждом из них. В качестве регионов были выбраны Республика Башкортостан, Белгородская область и Краснодарский край – три различающихся по своим сельскохозяйственным и прочим показателям российских региона, однако результаты опроса о практиках продовольственного обеспечения и отношения к сопутствующим проблемам оказались схожими. Так, большинство опрошенных во всех трех регионах (с незначительными колебаниями, практически укладывающимися в статистическую погрешность) поддерживают государственные решения по ограничению импорта продуктов питания и вводу продовольственных санкций/эмбарго (Рис.15, 16).



Рисунок 15



Рисунок 16

Аналогичное единодушие жители всех трех регионов выражают в оценке результатов запрета на импорт продуктов питания – от 56% до 61% опрошенных уверены, что он принес стране больше пользы, чем вреда

(Рис.17), тем более, что не привел в текущем году к исчезновению каких-либо привычных для них продуктов питания с прилавков магазинов (Рис. 18).



Рисунок 17



Рисунок 18

Отмечает исчезновение привычных продуктов питания с полок магазинов примерно каждый десятый опрошенный, и чаще всего в качестве таковых фигурируют рыба, мясо и фрукты, реже овощи и молочные

продукты, причем здесь прослеживаются некоторые региональные различия: если в Башкортостане каждый второй в этой группе упоминает рыбу, мясо и фрукты, и только каждый третий – овощи, а каждый пятый – молочные продукты, то в Краснодарском крае с большим перевесом лидируют рыба и мясо (около 60% ответивших в данной группе), каждый третий назвал овощи и молочные продукты, а 43% фрукты, и в Белгородской области схожая ситуация с распределением ответов (Рис.19, 20, 21).

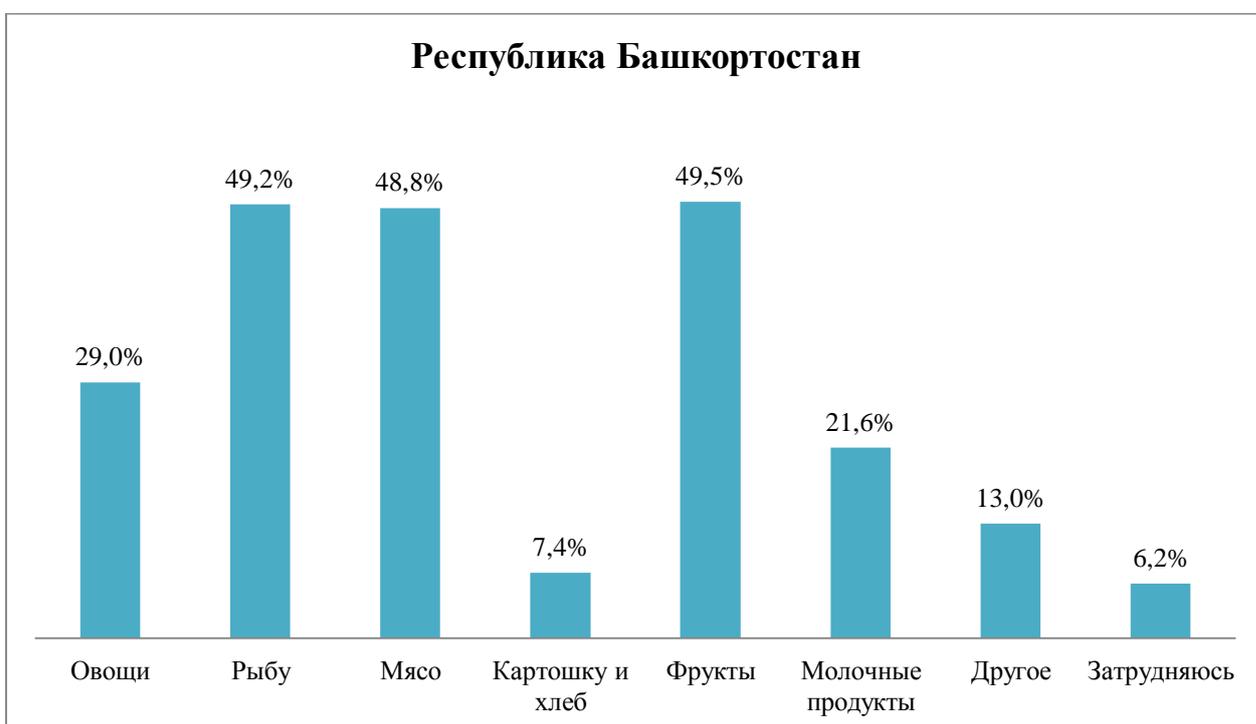


Рисунок 19

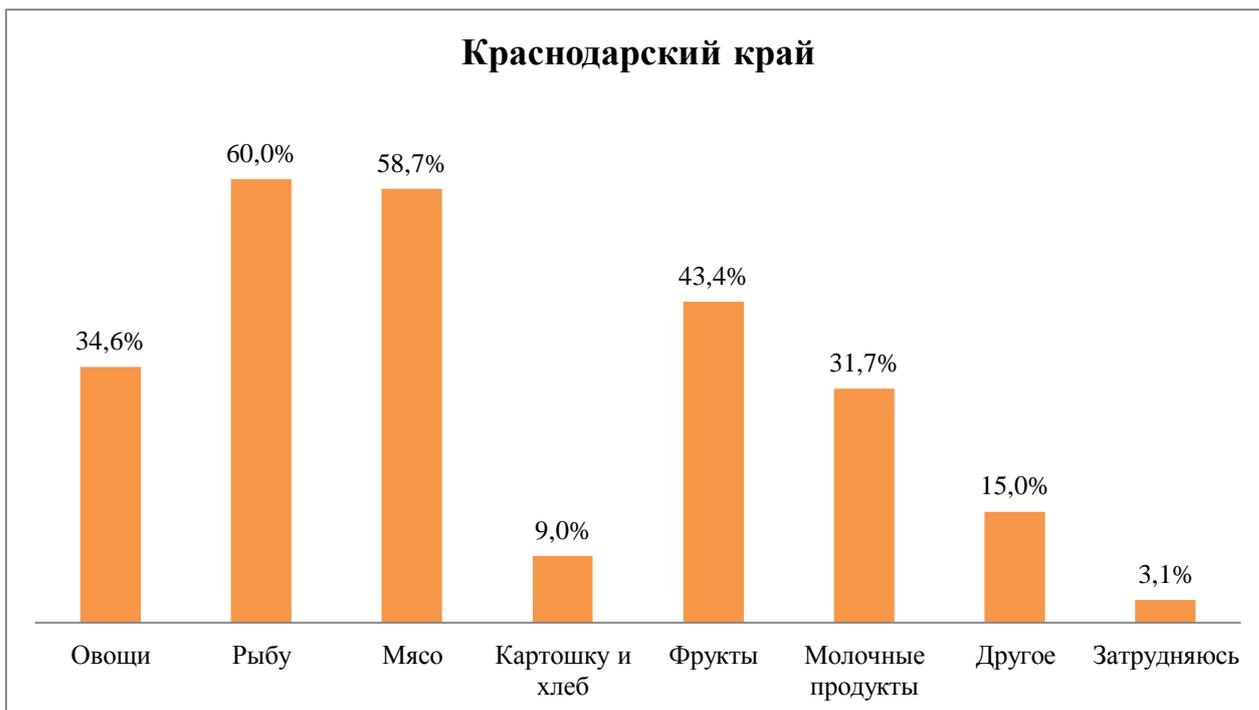


Рисунок 20



Рисунок 21

Также различия прослеживаются и в оценках населением трех регионов своей покупательной способности в сфере питания: в Белгородской области больше респондентов ограничивают себя в покупке продуктов

питания, чем в Краснодарском крае (76% против 68%), а в Республике Башкортостан этот показатель самый низкий из трех регионов (61%), хотя и здесь большинство опрошенных ограничивает себя в приобретении продуктов питания (Рис.22).



Рисунок 22

В отличие от средних данных по России (они ниже за счет каждого третьего неопределившегося), во всех трех регионах существенно выше доля тех, кто приобретает продукты питания в крупных универсальных магазинах (свыше 64%), однако по остальным показателям ситуация в регионах различается – в Краснодарском крае столь же важное значение имеет продуктовый рынок (61%), тогда как в Белгородской области почти каждый второй ходит и на рынок, и в небольшие магазины за продуктами (Рис.23). Впрочем, в случае дальнейшего роста цен жители всех регионов страны будут придерживаться схожих стратегий – каждый второй активизирует деятельность в личном подсобном хозяйстве (выращивая больше продуктов

на собственном огороде), каждый пятый в Башкортостане и по 27% опрошенных в Белгородской области и Краснодарском крае еще больше ограничат себя в покупке продуктов питания (Рис.24).



Рисунок 23



Рисунок 24

Ориентация на собственный огород в случае дальнейшего роста цен неувидительна, поскольку население уже сегодня вполне вовлечено в данный вид деятельности (Табл.1), в отличие от содержания скота (Табл.2), причем в Республике Башкортостан и Белгородской области даже в больших масштабах, чем в Краснодарском крае (82% и 77% против 67%).

Таблица 1
Скажите, пожалуйста, в какой области, крае, республике Вы проживаете?

Выращивали ли вы в прошлом году овощи и фрукты на огороде?	Республика Башкортостан	Краснодарский край	Белгородская область
Да	82,4%	67,4%	76,7%
Нет	17,6%	32,6%	23,3%

Таблица 2
Скажите, пожалуйста, в какой области, крае, республике Вы проживаете?

Держите ли вы птицу (куриц, уток), скотину (корова, свинья)?	Республика Башкортостан	Краснодарский край	Белгородская область
Да	36,4%	30,9%	29,0%
Нет	63,6%	69,1%	71,0%

Приобретая продукты питания, жители всех регионов обращают внимание, прежде всего, на срок годности (порядка 60%), затем на цену (в Белгородской области чаще) и на состав (каждый третий) (Рис.25). Но в случае выбора из двух одинаковых по качеству и цене товаров абсолютное большинство респондентов во всех регионах (свыше 90%) предпочтут отечественную продукцию (Рис.26).

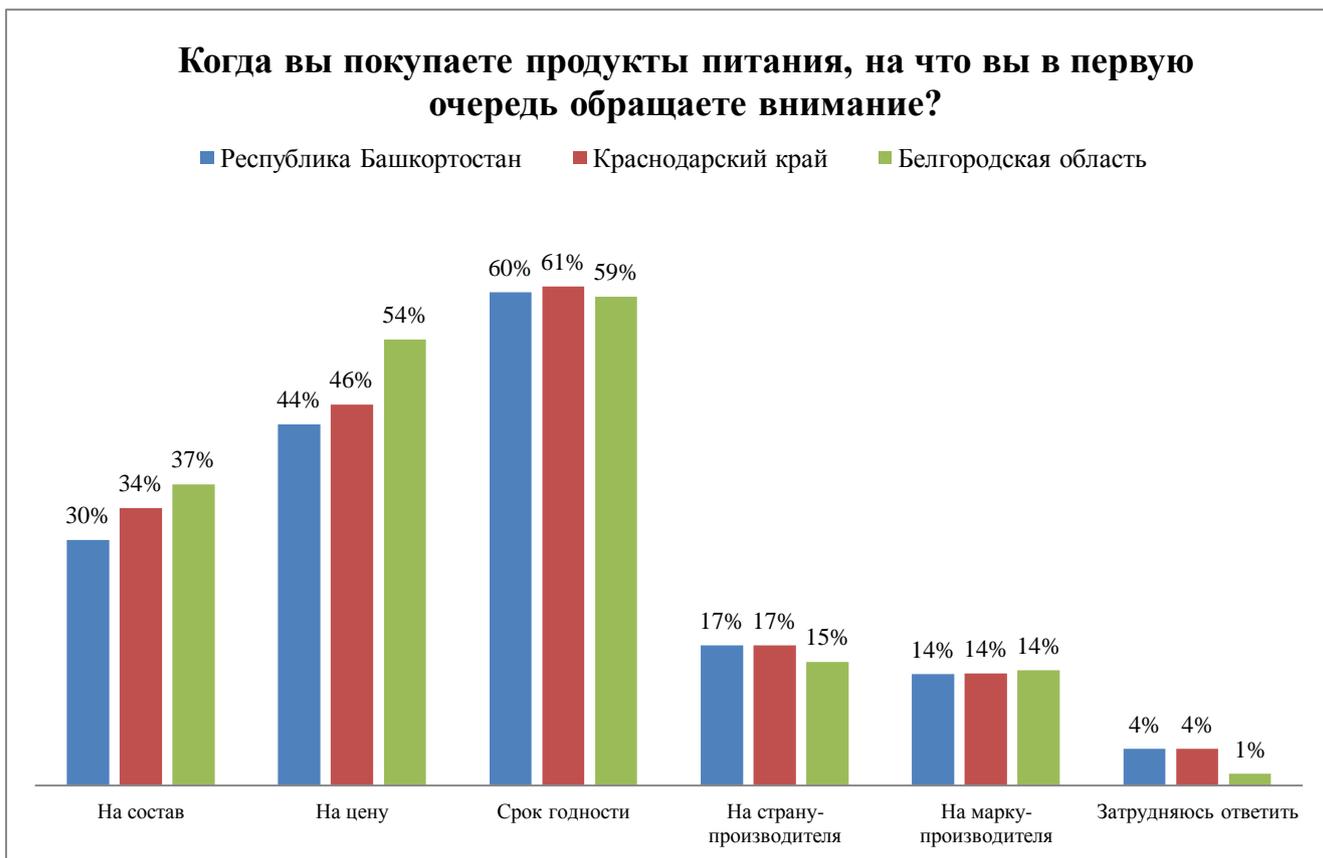


Рисунок 25



Рисунок 26

Что касается доли семейного бюджета, которая расходуется на продукты питания, то региональные различия здесь незначительны: у каждого третьего опрошенного это от 30% до 50%, реже – ниже 30% или, наоборот, выше 50%, хотя показатели в последних двух группах достаточно высоки и в случае превышения 50% уровня говорят о крайне негативных тенденциях (каждый четвертый или даже третий респондент тратит больше половины своего бюджета на продукты питания) (Рис. 27). Причем по сравнению с прошлым годом почти у двух третей опрошенных в каждом регионе эти расходы выросли, тогда как каждый пятый в Белгородской области и Краснодарском крае и каждый четвертый в Башкортостане утверждает, что расходует на продукты питания примерно столько же средств, что и в прошлом году (Рис.28).

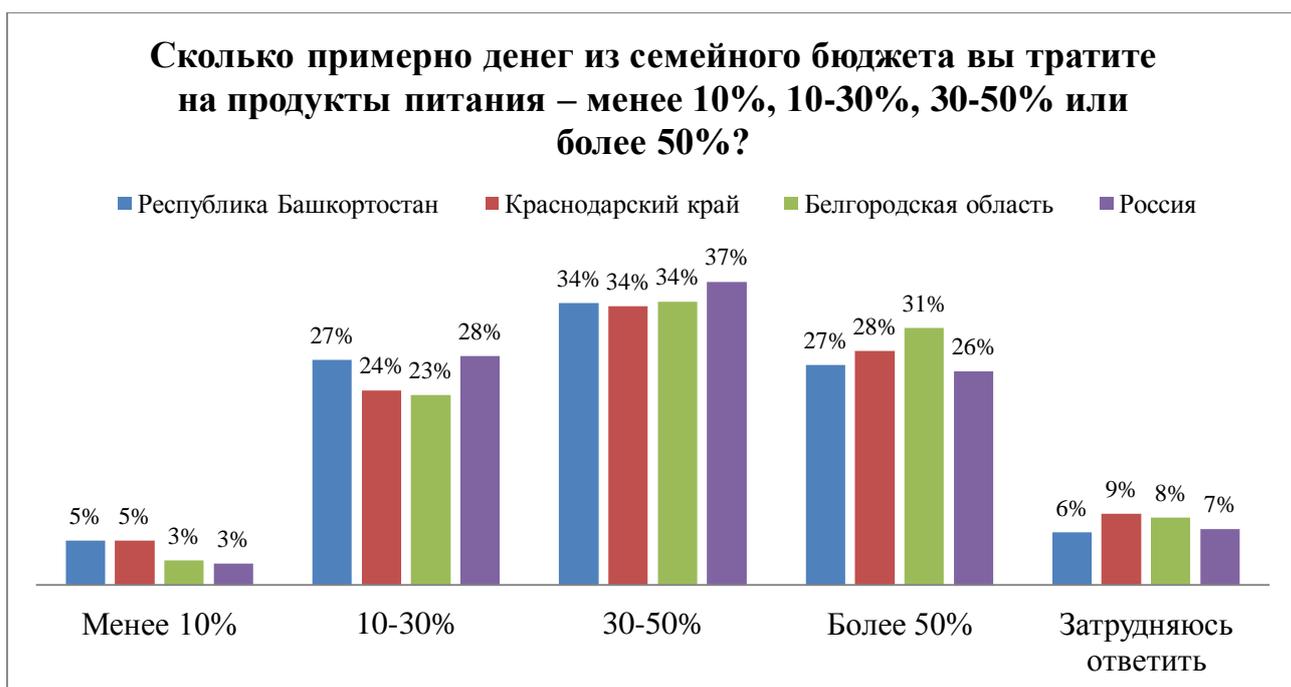


Рисунок 27



Рисунок 28

В свете представленных данных неудивительно, что большинство опрошенных (в сумме свыше 90% во всех регионах) убеждены, что государство должно контролировать цены на продукты питания: порядка двух третей полагают, что этот контроль должен распространяться на абсолютно все продукты питания, тогда как от 21% до 25% уверены в необходимости государственного регулирования только цен на социально значимые продукты питания (Рис.29).



Рисунок 29

Поскольку опрос населения по проблемам продовольственной безопасности на повседневном уровне был реализован нами в формате телефонного интервью, помимо статистических распределений мы получили архив аудиозаписей, наиболее продолжительные из которых были транскрибированы, чтобы «услышать» реальные голоса респондентов, решивших объяснить интервьюерам свои ответы на те или иные вопросы. Ниже мы приведем наиболее показательные выдержки из интервью, характеризующие отношение опрошенных к основным содержательным вопросам исследования.

Решения российского правительства, связанные с ограничением ввоза продуктов питания в Россию:

- *Не поддерживаем. Лучше, конечно, если бы это были наши продукты. Но сейчас наши продукты столько там уловок, столько там неправды, что я даже не знаю, какие лучше сейчас продукты: из-за рубежа или наши. Потому что, когда сталкиваешься с любыми продуктами, столько много неправды... Скорее все же не поддерживаем, ...потому что у нас сейчас продукты очень-очень некачественные. Если мы раньше гордились своими продуктами, то сейчас нет... Одним словом, поддерживаю, чтобы ввозили.*
- *Смотрите, элементарно просто. Из-за границы их сюда к нам присылают, покупают, присылают, а рабочих мест элементарно нет. Надо свое создавать, чтоб люди спокойно работали. И на химикатах, как наши бекконы и т.д., одна химия – это тоже химия, только колят свиней, химия полнейшая. Надо, чтобы как в старину, чтобы экологически чистое свое было домашнее, и люди будут при работе, и чистое экологически чтоб было, как в старину. Вот это самое лучшее.*
- *Я полагаю, что уже своих продуктов хватает... Я поддерживаю. Вообще я поддерживаю наше правительство, Путина. Молодцы они. Трудно им*

работать, но они молодцы. Но в отношении продуктов... во всяком случае мяса, картошки, хлеба – этого у нас достаточно.

- Своих продуктов нет, а они ограничивают – как это я должен поддерживать? Были б свои, конечно. Это политические игры. Ерунда это все. Когда начнутся бестопливные технологии? В этом году Чубайс не собирается бестопливную энергетику нам внедрять в России, хотя бы чуть-чуть? Что он с нас за энергию берет втридорога? Нам бы такую бестопливную энергетику, чтоб свет был дешевый, как было раньше. Холодный регион, газ в деревню бесплатно надо людям на сегодня. Дороги есть, спасибо, хоть дороги сделали.*
- Поддерживаю. Мне продуктов хватает, нашей семье, нам не нужны эти вот импортные сыры с плесенью, всякие алкогольные напитки импортные, элитные, машины. Мы ездим только на российских, российский автотранспорт поддерживаем. У нас хватает того, что выпускает Россия. Естественно, покупаем мы продукты – вот апельсины, мандарины пакистанские, апельсины там какие-то марокканские, яблоки, я не знаю тоже какие там, по-моему, российские были.*

Введение продовольственных санкций/антисанкций:

- Просто это, наверное, чтобы как-то научить зарубежных этих деятелей политических, которые вводят эти санкции. Это такая глупость невероятная по отношению к любому государству, тем более к России. Россия много делает для всего мира. И вот так вот против нее... Хотя наше правительство говорит, что это даже нам на пользу. Это действительно так, особенно в сельском хозяйстве... Антисанкции нужно вводить, чтобы проучить этих деятелей зарубежных как-то, чтобы они прекратили эту глупость делать.*
- Я думаю, прежде чем поддерживать эту санкцию, правительство должно знать, сколько у нас имеется продовольствия, и думать о том, не только на этот год у нас хватит, но если будет засуха на следующий год,*

- надо будет обязательно иметь запас продуктов своих... Когда-то «нож-ки Буша» к нам завозили. Я считаю, что это не нужно было, у нас своих «ножечек Буша» хватает. Так что правительство пусть там думает.*
- Российская Федерация – это коммерческая структура, которая обслуживает национальное государство, или народ, или организацию народа, который здесь находится на данной территории. Так что государство и Российская Федерация – это две большие разницы. Менеджеры, которые управляют Российской Федерацией, – это директора, это не слуги народа, это директора, управляющие. Как я могу быть с ними согласен, если у нас сигареты дорожают каждый месяц, бензин дорожает, все дорожает, своего ничего нет. И они ограничивают еще ввоз. Кому это? Это ребенку понятно, что это что-то не то творится...*
 - Продовольственные санкции? Россия обязательно должна ограничить ввоз из-за рубежа, нам не нужен чужой хлам. Нам сюда везут то, что не нужно, то, что хотят продать, впарить. Бестопливые технологии пускай нам дадут, зачем нам ихние ГМОшные, всякие гербицидные арбузы, пальмовое масло это вонючее. Им станки смазывают за рубежомом, а у нас едят его.*
 - Лично для меня запрет на ввоз импортных товаров больше принес вреда, потому что втридорога берут сейчас все, и оно непонятно откуда. И, с другой стороны, сейчас наша местная продукция уже заражена этим западным, коммерческим этим, капиталистическим ГМО. Уже бекон кругом этот. Вы ж в курсе, что бекон – мясо не настоящее, оно ГМОшное. Почему не разрешают, запрещают держать своих свиней, курей? Почему крестьянина гнобят в деревнях. Я в Белгородской области прожил сознательную жизнь, и фермером был, и скотинку держал. В 90-х годах у нас еще по улицам коровы ходили, у людей молоко было свое. Сейчас нет ничего, ни привозного, никакого.*

- *Больше пользы или больше вреда? Я вам честно скажу, сейчас боишься что-то купить и съесть, не знаешь, от чего отравишься. Смотришь, вот это мясо завезли – а-а-а, оно отравленное. Уже не знаешь, что можно брать, что нельзя. Я считаю, что можно все свое выращивать и нечего там ввозить ничего из-за границы. Так что думаю, что санкции нам пользы принесли. Стали все-таки возрождать, я смотрю, и выращивать и курей там. Коров разводят, молоко колхозное.*

Исчезновение привычных продуктов питания с прилавков:

- *Я вам могу сказать, что в основном, конечно, рыба. ...Рыба – это вообще очень нужный продукт для всех возрастов: и детям, и взрослым. Но мы живем в такой, слава богу, в такой области и в таком городе, где, по крайней мере, мясо птицы, мясо говядины, в общем, в Белгороде нормально снабжается, хотя также дорого. Но нет рыбы, практически нет рыбы. Даже не знаю, вроде бы все есть, но очень дорого...*
- *А вот тут у меня проблема. Нет работы, езжу редко по магазинам, перебиваемся кое-как. Тут не могу сказать, какие продукты – с божьей помощью живем. Я ничего не скажу, потому что мы очень мало покупали, и нет такого у нас обильного, мы скромно живем, очень скромно. Семья большая, скромно живем. И довольствуемся тем, что купили подешевке, вот и все. Я не могу сказать, я слишком не гурман, чтоб выбирать. Купили – и слава богу, подешевле и покачественнее.*
- *Дело в том, что я не широко живу, я беру хлеб да молочко, иногда там ребрышки какие-нибудь. А какие там, в обертке то, что там нового, а оно каждый раз все новее и новее, я не пойму, откуда оно есть. Оно произведено вроде здесь, а бренды все ненашенские, упаковка тоже непонятная там, написано тоже непонятно что там. Так не различить, где чье. Я привык хлеб брать свой, белгородский хлеб, я его узнаю, я его вижу. Вот это я могу сказать. Из-за какого рубежа вы мне привезете хлеб. Хлеб же вы мне не привезете из Голландии, правильно? Вы ж привезете*

окорочка Буша левые, а потом правые привезете, когда все уже с ума сойдут.

- *Пропал, допустим, украинский сыр, на его место встал белорусский и местный российский. ...Яблокам тоже замена есть, нет такого, чтобы прилавки пустые там. Какие-то цитрусовые – тоже замена, с других регионов восточных поставляются. ...Хотя мы большим разнообразием и очень большими изысками, деликатесами сильно не пользуемся, т.е. все в меру, питаться надо рационально, чтобы не переедать там, и зачем это лишние потом проблемы со здоровьем. Поэтому я вам скажу так, я не почувствовал такого, чтобы что-то там сильно изменилось.*

Ограничения в покупке продуктов питания:

- *Конечно, ограничиваем. Тем более пенсионеры. Когда я работала, были немножко деньги, не скажу, что прям все было идеально, ...далеко неидеально было, но, по крайней мере, с продуктами и зарработки были неплохие... Сейчас все продукты стали дороже, и дефицит большой на многие, тем более на рыбу. ...Мы стали меньше всего покупать, потому что, во-первых, нет денег. Из-за денег и из-за того, что действительно санкции эти бесконечные и продукты некачественные. Нам повезло, что мы еще хоть в Белгородской области, тут действительно мы просто рады, что у нас свои продукты сельского хозяйства.*
- *Конечно, ограничиваем. Совсем все дорого стало, вообще ужас! У меня большая семья – семь человек, поэтому, конечно, ограничено все. Везде все дорожает, дорожает. А в селах еще хуже дорожает, особенно мясо. Картошка у нас своя, огород есть. Хлеб подорожал, мясо подорожало, яйца подорожали. Вообще все подорожало. Из-за этого кризиса искусственного все подорожало. Вообще говядины нет нормальной, везде одна свинина, бекон, все это химией напичкано, мы его вообще не покупаем.*
- *Я не ограничиваю, потому что я старая, у меня диетическое питание. И другие тоже. Где-то приходилось мне быть на юбилеях, где-то приходи-*

лось быть на поминках, где-то приходилось быть в компаниях. Во всяком случае, везде и всюду я должна гордиться своей Россией.

- Конечно, ограничиваю, если только на своем огороде выращивать, а мы всегда выращиваем. У нас и фрукты есть. Те, кто имеет свои огороды, стало быть, и картошку выращивают, и помидоры выращивают, огурцы выращивают, и морковку, и свеклу. Всего этого, конечно, вполне достаточно. Но я считаю, что Россия – страна богатая...
- Из-за роста цен всех я ограничиваю в своей семье, не только себя: и ребенка, и тещу, и жену – всех ограничиваю... На сигареты тут ходим, стреляем. И на молочко, если хватает. Ну, а что, если куришь каждый день, травиться каждый день же надо, а сигареты дорогие. Водку мы не спрашиваем, а вот что непосредственно, зависимость от чего... И кто даст мне выращивать на своем огороде? Вы ж тоже в курсе всех событий – запретили свиней держать у нас, курей люди прячут... Ничего своего. И живу я в подвешенном состоянии. Всю жизнь прожил в Советском Союзе, а сейчас Российская Федерация, не пойми, что творится.
- Конечно, ограничиваем, если пенсия, допустим, 10 тысяч, что я куплю хорошую колбасу? Конечно, берешь что подешевле, а подешевле, вы сами знаете, какое там качество продукта – никакое. Ограничиваем себя: мясо, например, дорогое ж, и колбаса хорошая, которая ценится, качественная, московская там. Конечно, с пенсии возьмешь, а потом... Молоко, конечно, каждый день берем, хлеб, яйца каждый день. Как это без хлеба? Не берем мясо, колбасу, ветчину, дорогие, которые, сыр. Куриное мясо не такое дорогое, это мы берем, яички берем, молоко берем, хлебо-булочное тоже. И фрукты тоже берем. Захотелось яблочка – пошла и купила, что я буду тут голодная сидеть. И яблоки покупаем, и лимончик покупаем чай попить. Как прежде было, так и покупаем. У нас свои сады рядом... и привозят не так уж и дорого-то, что в области есть, то мы берем. Яблоки всегда у нас.

Реакция на возможный дальнейший рост цен на продукты питания:

- *У нас огорода нет – была дача, но дачи уже нет, потому что по возрасту мы уже не могли работать там. И не из-за продуктов дача была, а просто для отдыха... Как мы знаем, у нас население сейчас делится на зажиточных и выживающих, мы в числе выживающих, поэтому если цены вырастут, мы будем выживать и себя, конечно, еще больше, очень, очень ограничивать.*
- *На своем огороде у меня только овощи, фруктов маловато... А что мы можем? Ограничивать себя, будем как-то перебиваться, искать работу, или еще что-нибудь.*
- *...Мне 64 года, я живу в городе... У меня была дача, но сейчас уже, потому что побросали рядом дачи, идут, как на колхозное поле, воруют. Уже и от дачи отказались, потому что выращиваешь, едешь на дачу и думаешь, успеешь ты сорвать или не успеешь, они сорвут уже, которые не хотят выращивать, а лезят. Поэтому я себя ограничу, потому что запасов я никогда не делаю. А что их делать? Это у кого денег до хрена, они могут запасы делать, мешками ставить, а у меня откуда? Никаких запасов делать не собираюсь. Ограничивать буду себя, конечно.*
- *У нас огорода нет. Но запасы мы делаем: овощи, такие как морковь, картофель, свекла, лук и еще некоторые, мы покупаем, делаем закупки на зиму, храним в подвале практически до лета, до мая. Нас скачки цен в этом плане не очень волнуют. Но если будут еще цены выше, закупки мы все равно будем делать, может быть, больше закупок делать. Может быть, какие-то определенные группы товаров отойдут...: картошка, макароны, гречка, рис, крупа какая-то – это будет основное. А то, что экзотика, всякие деликатесы, может быть, отойдут, и даже брать не будем, если они будут очень дорого стоить.*

Критерии выбора продуктов питания при покупке:

- *Денег нет. И продукты не очень качественные. Я говорю, что вот птица, мясо, молочные продукты – это у нас в каждом районе свои там проблемы, и у нас в районе неплохо с продуктами... В первую очередь обращаем внимание на качество и на цену. Потому что когда нет денег, будет лежать рядом продукт с любым качеством, но ты его не купишь – денег мало.*
- *Смотрим, чтоб было свежее, не напичкано было химией, потому что сейчас так напихают, что ой-ой-ой. И еще на цену, конечно, чтоб не кусалась.*
- *Кто сделал, смотрю, и на его репутацию. Это у меня принцип – репутация того, кто сделал. Если у нас мука старооскольская, я смело беру этот мешок и пеку с него хлеб. Не хожу никуда, ни турецкую не беру, ничего. И меня все устраивает. Вот какой мой вердикт – репутация превыше всего... Под российской маркой скрывается много всяких надписей. Причем здесь российский? Вот есть у нас старооскольский комбинат, и там все выпекают, или «Славянка» была старооскольская, конфеты. Но сейчас уже все, там нет ничего... Разваливают заводы хорошие с репутацией, а привозят ерунду.*
- *Самое основное, чтоб было качественное, свежее, т.е. чтобы можно было употреблять его, а не то, чтобы просто купить какие-то отходы там, обрезки или что-то такое. Не смотрим мы на производителя. Вот хлебобулочные изделия мы местного производства покупаем, у нас в достатке все и конкретно те сорта, которые мы привыкли брать, выпускают наши хлебозаводы, хлебокомбинаты. Но стараемся брать свежее. Смотрим этикету, срок годности, когда изготовлен товар. И из тех, допустим, 2-3-4-дневной давности стараемся выбирать посвежее.*

Выбор между отечественным и зарубежным товарами, одинаковыми по цене и качеству:

- *Выберу, конечно, российский, потому что иностранный могут напищать, написать одно, а внутри будет другое. Я не доверяю, все-таки предпочитаю свое.*
- *Свое выберу, потому что у нас все есть, в этом плане у нас хорошо все. Потому что наша область много сама выращивает, много изготавливает у нас. У нас молокозавод, пожалуйста, молоко свое, сырки, твороги есть, все. Фермеры привозят. Я, конечно, фермерский творожок там, сметанку беру. Яичек тоже привозят. Так что у нас в этом плане есть все, я считаю. Не знаю, как другие.*
- *Не знаю. Я, наверное, купил бы российский, но у меня не стоит такая проблема выбора. Но предположительно я бы взял российский. Мне как-то Россия дороже, как говорится, мы любим свою родину, хотя она нас не очень. ... У нас сады кругом, вот Белгородская область, а яблоки мы в основном видим только у перекупщиков на рынке, именно конкретно наши. И покупаем те яблоки, цитрусовые у нас не растут, груши тоже – это все привозное. А яблоки, именно конкретно яблоки, почему-то они как-то у нас, не знаю, куда они деваются именно наши местные. Из Краснодара нам привозят, из Ростова, близлежащие области, регионы, а наших как-то вот. Вот этот момент как-то очень ярко выражен. А по остальному не могу сказать... Я не смотрю на этикетки, производитель, кто там, я беру, если мне нравится товар, если я им пользуюсь постоянно. В основном я стараюсь брать местного производства, потому что знаю, у нас более качественное, как-то относятся более ответственно к производству продуктов питания, губернатор наш проводит эту политику – «без ГМО».*

Доля расходов на питание в семейном бюджете:

- *Я в процентах не могу, я вам конкретно скажу. Сейчас в данный момент у меня проблемы с работой, потому что или на бекон нужно идти к этим свиньям химическим, или в курятник, там поработаешь и вообще свер-*

нешься от этой химии... Вот у меня семья семь человек, детские – копейки, и вот получаем мы от силы семь тысяч, это нужно за газ, за свет, за воду, на питание, школьников у меня вон пять парней и две девочки. Это все нужно резину, эти копейки, растянуть. Каково? Приходится в Москву ехать. А Москву начинаешь смотреть, там везде обман. Вот так и живем, растягиваем эти вшивые копейки... Газ подорожал, вода подорожала, свет подорожал. Я вообще не знаю эти проценты. Короче, кошмар, с божьей помощью переживаем, я не знаю, что творится... Все забирает у нас ЖКХ: газ, свет, вода, налоги, всякая дребедень. А еще нужно страховку купить дорогую, тоже везде по-разному, на машину, бензин. Все это дорожает... Вот семь тысяч и растяните на питание, на коммунальные, на одежду, на тетрадки, на ручку, на все. Я не знаю, этих процентов, я не соображаю. Для меня заработал, принес, отдал.

- В этом году еще все подорожало, в деревнях тем более все дорожает. Нагло на деревенских пользуются тем, что нам сложно ездить в забегаловки там, «Пятерочка», «Магнит». Вот они понастроили этих магазинов, частники, и с нас дербанят, последнее выжимают. Этим пользуются.*
- Я не задавался таким вопросом. Но я сейчас прикину приблизительно. Где-то процентов 15, наверное, можно так сказать. Я ж говорю, мы закупаемся, у нас есть момент закупки. У нас расходы возрастают по осень, это сентябрь, октябрь, ноябрь, там мы больше закупаем, а потом, когда мы выбираем закрутки, выбираем заготовки все эти, овощи, которые у нас заготовлены, у нас идет меньше. Где-то в среднем 15, ну, 20 – это даже много. 15% где-то. В этом году стали тратить больше..., сейчас вот немножко напяр, меньше денег остается на всякое баловство типа помощь детям там что-то купить, безделушки какие-то, что-то вот такое.*

Государственный контроль цен:

- Государство должно все контролировать, полностью всех частных досконально, как это было в советское время. Контроль, как в Китае, тогда будет порядок.
- Государство? Государство – это понятие растяжимое. Руководство, скорее всего, должно ответственно относиться к этому вопросу. Если бы руководство Российской Федерации заботилось о народе, оно бы работу давало людям и разрешало бы в деревне людям выживать. А что сейчас, в деревнях же никто ничего сейчас – все уехали в город на заработки.

Выращивание собственных овощей и фруктов на огороде:

- Естественно. С божьей помощью. И просидели мы всю зиму на своих овощах, на картошке, на помидорах, на капусте. На овощах и прожили. Мы сейчас не можем завести свою скотину, потому что нет у меня паев, а воровать я не собираюсь здесь зерно. Я живу честно, я человек верующий, не имею права даже и зернышка взять. Представляете, как приходится всю зиму сидеть. Хорошо, что в школе детей кормят. Я сам давно уже вкус говядины и не помню.
- В 90-х годах ходили коровы по улицам, у нас тут хорошие горы, на окраине города ходили козы, коровы на гору пастись. У каждого в подворье были свиньи, коровка, козлята, цыплята, гусята, не знаю, чего только не было. Сейчас этого нет, себе дорожке сейчас держать.
- Я об этом не задумывался. Я думаю, что государство должно как-то следить за этим, в первую очередь, за качеством товара. Вот тут момент такой есть: Роспотребнадзор у нас есть, организация, мне кажется, которая должна следить за этим, но они как-то однобоко работают. Не могу сказать, не знаю я, в чем причины, хотя у нас одна причина самая большая, и везде во всем мире – это коррупция. Но как-то они халатно относятся. Вроде работают, но я вот тут столкнулся с проблемой, обратился к ним, они, знаете, так, меня даже удивило, как-то развели руками и предложили мне невыгодный вариант такой: «Вы соглашайтесь

там, идите». Мне кажется, что со стороны государства должен быть большой контроль за рынком цен... Будет большая конкуренция, т.е. производители будут, а не перекупать, как у нас сейчас в основном это делается, основная масса перекупики, а будут свое продавать. Тогда же и цены будут ниже. И когда даже в плане бытовой техники, если наши будут выпускать более товары конкурентоспособные, и цены на импорт тоже упадут. Я так думаю.

- Цены на социально значимые товары государство должно контролировать – это однозначно. Потому что у нас, я так прикинул по информации, по СМИ, где-то процентов за 20, наверное, люди ниже прожиточного минимума. Естественно, для этих людей должны быть какие-то определенные товары определенной ценовой позиции, т.е. низкой. У нас в этом плане есть хлеб, какие-то продукты. Но я хлеб, как-то вот обращал, что есть такой хлеб, который 15-16 рублей, т.е. самый низкий, вплоть до 10 рублей, по-моему, 11, есть хлеб такой. Правда, мы не покупаем его, нам он не нравится, мы берем немножко подороже. Но я считаю, что для слоев населения, которые не могут обеспечить себе достойную жизнь, по телевизионному будем говорить, должно государство жестко контролировать, чтобы людям было что есть. Если бабушка эта придет, она там копейки эти считает, чтоб ей было что-то взять. Чтобы человек не ходил с протянутой рукой: «У меня вот на хлеб денег не хватает», а прийти в магазин, что-то по своим доходам взять. А вообще-то все должно быть у нас достойно: и пенсия достойная, и зарплата достойная, а в этом плане как-то государство все отпустило. Ну, у них там свои, высокие планы, конечно. Должно государство контролировать, особенно социально значимые продукты. Я считаю, что должно. А остальные, как-то надо следить за этим, регулировать. Есть же такая организация как ФАС, как-то они должны. У нас же есть монополи-

сты, которые гнут цены, задирают доверху, потому что нет конкуренции. Из-за этого тоже могут быть какие-то перегибы.

- В государстве какая-то система должна быть, которая должна контролировать, потому что не успеваешь, ничего не успеваешь. Хотите, я вам сейчас расскажу одну вещь? Я дату вам не могу назвать, нет квитанции под рукой, вот пошла я, например, в четверг в магазин, купила конфеты трюфели, они стоили 57 рублей, хлеб бременский, стоил 40 рублей. Прихожу, один из них уже стоит 44 рубля. На другой день прихожу 46 рублей другой. А про эти конфеты хочу сказать, вчера я их купила, сегодня я пошла после 13 в магазин, а скидка пенсионерам там с 10 до двух. Пошла в магазин, думаю, возьму я эти конфетки, понравились они мне. И вы думаете, что? На конфетах уже написано 69 руб.95 коп. За ночь 250 или 240 грамм подорожало на 13 рублей без 5 копеек. Я спрашиваю у заведующей, она там как раз ходит: «Девушка, скажите, пожалуйста». Она поднимает: «Да, это сегодняшняя такая цена». На эти конфеты никакой акции не было, их там было навалом. Потом прихожу через несколько дней, они вообще исчезли, потому что видно, я сказала, что такая цена поднялась. Вообще они исчезли. Потом их выложат. Вот как можно, чтоб за ночь 200 грамм конфет, которые стоили 57 рублей, стали стоить 69 рублей 95 копеек? На 13 рублей за ночь подорожали конфеты, 250 грамм или 240, я уже не помню. Вот как тут можно это сказать? Это значит, бизнесмены, которые этим занимаются, раздувают эти цены, сколько хотят и как хотят и когда хотят. Потому что на эти конфеты не было никакой акции. Они лежали месяца два или три по 57 рублей. И за ночь на 13 рублей подорожали без 5 копеек. Кто-то ж должен этим заниматься, правительство или местные власти, кто-то должен за этим смотреть. Это же безобразие.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время в государственном, медийном и научном дискурсах прочные позиции завоевало понятие «продовольственная безопасность» – термин, еще несколько лет назад способный смутить любого специалиста своим не вполне понятным содержанием и множеством возможных коннотаций. Сегодня ситуация радикально изменилась, чему немало способствовала российская риторика импортозамещения в русле протекционистской государственной политики продовольственного обеспечения (ее суть – наращивание собственного агропроизводства) и продовольственное эмбарго, введенное в ответ на западные санкции. Однако обретенная термином «продовольственная безопасность» «прописка» в государственной, научной и медийной риторике отнюдь не делает его прозрачным: государственная политика достаточно противоречива, одни решения здесь диктуются нестабильной внешнеполитической ситуацией, другие – требованиями внутреннего рынка и финансовыми возможностями федеральных властей; медийное освещение вопросов продовольственного обеспечения страны варьирует от безусловной поддержки государственных решений до резко критических оценок постсоветской экономической политики в целом и конкретных мер последних лет в частности.

Близким продовольственной безопасности понятием является «продовольственный суверенитет», или право людей, стран или союзов государств самостоятельно определять свою продовольственную и аграрную политику. Данный термин более политизирован в том смысле, что предполагает контроль гражданского общества конкретной страны (или международных объединений гражданских активистов) за деятельностью глобальных продовольственных компаний и местных (на уровне страны) властей, предоставляющих им доступ на рынки продовольствия. Понятие продовольственного суверенитета не вполне актуально для российских

реалий, где «сложился особый его тип, потому что в стране не существует организованных субъектов, которые могли бы явно и четко сформулировать соответствующие дискурсы и скоординировать свои действия» [26. С. 2]. Российское население заменяет отсутствие коллективных действий «снизу» и солидаристской идеологии сетями взаимной поддержки в рамках неформальной или моральной экономики, имеющей длительную историческую традицию, обеспечивая тем самым своим семьям (и стране) «тихий продовольственный суверенитет».

В последнем случае от официальных государственных моделей продовольственной безопасности мы переходим на микроэкономический уровень – результаты его обследования в ходе телефонного опроса российского населения в 2016 году представлены выше. Однако необходимо контекстуализировать эмпирические данные некоторыми концептуальными выкладками, и здесь кроется одна из основных проблем научного анализа продовольственной безопасности – как правило, ее базовые параметры задаются геополитическими и макроэкономическими соображениями и реалиями, тогда как, по сути, речь идет о рутинных практиках обеспечения домохозяйствами себя продуктами питания. Нередко второй аспект продовольственной безопасности упускается из рассмотрения как незначимый, и рассуждения исследователей выстраиваются по формуле «государство/крупные производители принимают такие-то решения, населению приходится соответствующим образом выстраивать свои продовольственные практики и привычки». Подобная логика имеет право на существование, хотя «прыжки» с макроуровня на микроуровень часто вызывают у читателей такого типа работ сомнения в том смысле, что в макрополитическом и макроэкономическом контексте вряд ли кто слишком компетентен, а вот приводимые примеры из повседневности могут диссонировать с личным жизненным опытом читателей, учитывая сильнейшую региональную социально-экономическую дифференциацию

российского пространства. Возможно, оптимальным форматом научных работ по продовольственной безопасности является четкая фокусировка либо на микроуровне рутинных практик продовольственного обеспечения домохозяйств, либо на макроуровне объективного политического и социально-экономического контекста, в котором людям приходится выстраивать, поддерживать или трансформировать эти практики.

Иным необходимым контекстом анализа наших опросных данных, несомненно, должны стать результаты последней сельскохозяйственной переписи, данные которой пока еще находятся на стадии обработки. Первые обнародованные Росстатом цифры говорят о заметных структурных сдвигах в российском сельском хозяйстве: сократилась численность сельхозтоваропроизводителей, увеличились площадь хозяйств (свидетельство стягивания ресурсов агропромышленного комплекса в формате крупных агрохолдингов), что, с одной стороны, позволяет применять современные технологии и сокращать занятость в сельском хозяйстве, но, с другой стороны, увеличивает риски миграции сельского населения в город и сокращения поселенческой сети.

Поскольку развернутых данных о нынешнем состоянии российского сельского хозяйства по итогам переписи пока нет, тем более в региональном разрезе, мы не можем провести сопоставлений наших опросных данных с итогами переписи, тем не менее, отдельные выводы сделать можно, поскольку в открытом доступе уже размещены некоторые статистические данные по Краснодарскому краю, где 15 августа 2016 года завершилось проведение переписи. В крае в ней приняли участие 1,8 тысяч сельскохозяйственных организаций, 14,3 тысячи крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, 24,8 тысяч граждан в садово-огороднических объединениях, 732 тысяч в сельской и 181 тысяч в городской местности личных подсобных хозяйств населения.

Учитывая столь внушительное количество разных типов сельхозпроизводителей, вполне понятно, что для края характерна широкая поддержка государственных решений по ограничению импорта продуктов питания (75%) и вводу продовольственных санкций/эмбарго (61%). Региональные производители, судя даже просто по их количеству, вполне способны обеспечить населения края необходимым продовольствием, и вряд ли им нужна конкуренция с зарубежными сельхозпоставщиками, поэтому ограничительные меры российского правительства жители Краснодарского края оценивают как несущие стране (и конкретно региону) больше пользы, чем вреда (60% – противоположного мнения придерживается каждый пятый), тем более что подавляющее большинство жителей края (86%) не заметило исчезновения с прилавков магазинов привычных для себя продуктов питания (его отметил только каждый десятый опрошенный, и чаще всего в качестве таковых выступают рыба и мясо, реже фрукты, овощи и молочные продукты) (распределение ответов в этой группе представлено на Рис.22 выше).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 FAO, OECD. Price Volatility in Food and Agricultural Markets: Policy Responses. Paris: OCDE, 2011.
- 2 ФАО: Термины и терминология. Комитет по всемирной продовольственной безопасности. 2012 // URL: <http://www.fao.org/docrep/meeting/026/MD776R.pdf>.
- 3 Duncan J., Barling. Renewal through Participation in Global Food Security Governance: Implementing the International Food Security and Nutrition Civil Society Mechanism to the Committee on World Food Security // International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 2012. Vol. 19. № 2.
- 4 McMichael P., Schneider M. Food Security Politics and the Millennium Development Goals // Third World Quarterly. 2011. Vol. 32. № 1.
- 5 Lawrence G., McMichael P. The Question of Food Security // International Journal of Sociology of Agriculture and Food. 2012. Vol. 19. № 2.
- 6 Maxwell S. Food Security: a Post-Modern Perspective // Food Policy. 1996. Vol. 21. № 2.
- 7 Mooney P.H., Scott A.H. Food Security: The Elaboration of Contested Claims to a Consensus Frame // Rural sociology. 2009. Vol. 74. № 4.
- 8 Ayres J., Bosia M.J. Beyond global summitry: food sovereignty as localized resistance to globalization // Globalizations. 2011. № 8.
- 9 Ries N. Potato ontology. Surviving post-socialism in Russia // Cultural Anthropology. 2009. № 24.
- 10 Zavisca J. Contesting capitalism at the post-Soviet dacha: The meaning of food cultivation for urban Russians // Slavic Review. 2003. № 62.
- 11 Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.
- 12 Mamonova N., Visser O. State Marionettes, Phantom Organizations or Genuine Movements? The Paradoxical Emergence of Rural Social Movements in Post-Soviet Russia // Journal of Peasant Studies. 2014. Vol. 41. № 4.
- 13 Малахов В. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления // Отечественные записки. 2013. № 2.
- 14 Федеральный закон «О продовольственной безопасности Российской Федерации» от 04.07.1996 г.
- 15 Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (измененный и дополненный 01.07.2014 г.).
- 16 Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 30.01.2010 г. № 120.
- 17 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 20.11.2013 г.
- 18 Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. Вологда, 2014.
- 19 Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М., 2015.
- 20 Фомичев С.Н., Ковшов А.С. Региональный аспект продовольственной безопасности России // URL: <http://elibrary.ru/download/45778024.pdf>.
- 21 Барсукова С.Ю. Рынок мяса: игры с импортом // ЭКО. 2009. № 8.
- 22 Барсукова С.Ю. Чтобы не обмелели молочные реки... Рынок молока и молочных продуктов в России // ЭКО. 2011. № 11.
- 23 Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. М., 2014.
- 24 Барсукова С., Коробкова А. Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных

- СМИ // Экономическая социология. 2014. № 4.
- 25 Барсукова С., Дюфи К. Продовольственная безопасность: история понятия, российский контекст // Политика. 2016.
 - 26 Виссер О., Мамонова Н., Спур М., Никулин А. «Тихий продовольственный суверенитет» среди громкой продовольственной безопасности // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / Под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М., 2015.
 - 27 Purdue D. Introduction. Dimensions of civil society // Civil societies and Social Movements. Potentials and problems / Ed. by D. Purdue. Routledge/ECPR Studies in European Political Science, 2007.
 - 28 Fish M.S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
 - 29 Salamon L.M., Anheier H.K. Social origin of civil society: explaining the nonprofit sector cross-nationally // Working Papers of The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. The Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies, 1996 // URL: <http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/Publications/origins.pdf>.
 - 30 Henry L.A., McIntosh Sundstrom L. Defining Civil Society // Russian Civil Society. A critical Assessment / Ed. by A.B. Evans, L.A. Henry, L. McIntosh Sundstrom. M.E.Sharpe, 2006.
 - 31 Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России. Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН, 2006.
 - 32 Санович С. В. Консолидация гражданского общества в переходной России. Препринт WP 10/2009/03, серия WP 10. Научные доклады лаборатории институционального анализа. М., 2009.
 - 33 Поздняков Э. Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // Политический класс. 2006. № 22.
 - 34 Медведев Д.А. Выступление на гражданском форуме 22 января 2008 г. // Официальный сайт Дмитрия Медведева.
 - 35 Salmenniemi S. Civic organizations and the state in Putin's Russia. Co-operation, co-optation, confrontation // Civil societies and Social Movements. Potentials and problems. Routledge/ECPR Studies in European Political Science, 2007.
 - 36 Anheier H., Glasius M., Kaldor M. Introducing Global Civil Society // Global Civil Society. Yearbook / Ed. by H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. 2001.
 - 37 Яшин И. Есть ли в России гражданское общество? Radio "Эхо Москвы", 11 февраля 2007 года.
 - 38 Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России. М.: Школа культурной политики, 1996.
 - 39 Hann C. Farewell to the Socialist "Order // Postsocialism. Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia / Ed. by C. Hann. N.Y., L.: Routledge, 2002.
 - 40 Hann C. Introduction: Political Society and Civil Antropology // Civil society: Challenging Western Models / Eds. C. Hann, E. Dunn. N.Y., L.: Routledge, 1996.
 - 41 Будов А. Институциональная сфера гражданского общества // Власть. 2009. № 7. С. 25-27.
 - 42 Воробьев С. Гражданское общество и модернизация России // Власть. 2009. № 5.
 - 43 Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et Contra. 2006. № 1.
 - 44 Мерсиянова И.В. Российский третий сектор: основные характеристики и условия деятельности // URL: http://www.portal-nko.ru/biblio/_book/?id=366.
 - 45 Wegren S. Civil Society in Rural Russia // Russian Civil Society. A critical Assessment. M.E. Sharpe, 2006.

- 46 Woods M. *Advocating Rurality? The Repositioning of Rural Local Government* // *Journal of Rural Studies*. 1998. Vol. 14. № 1.
- 47 Решение XXVII Съезда АККОР. 12 февраля 2016 г. О работе руководящих органов АККОР за период с 12.02.2015 г. по 11.02.2016 г.
- 48 *Местная филантропия национального значения. Фонды местных сообществ в России*. М.: САФ Россия, 2014.
- 49 Аврорина Л. *Фонды местных сообществ – инструменты развития гражданской активности населения*. М., 2006.